Морская летопись

РУССКИЙ ФЛОТ ЭПОХИ ЕКАТЕРИНЫ II 1772–1783 гг.

А.С. Кротков

Морская летопись

Аполлон Кротков

Российский флот при Екатерине II. 1772-1783 гг.

«ВЕЧЕ»
1889

Кротков А. С.

Российский флот при Екатерине II. 1772-1783 гг. /
А. С. Кротков — «ВЕЧЕ», 1889 — (Морская летопись)

ISBN 978-5-4444-8830-0

В эпоху царствования императрицы Екатерины II российский флот переживает второе рождение. В это время преобразовывается Морское ведомство, принимаются военно-морская доктрина и судостроительная программа, выделяются большие средства на строительство кораблей, производятся реформы в Морском Шляхетном кадетском корпусе, организуются успешные экспедиции в Средиземное и Эгейское моря и, наконец, российский флот активнейшим образом участвует в Русско-шведской войне 1788–1790 гг. Вниманию читателей предлагается книга видного историка флота, генерал-майора по Адмиралтейству Аполлона Семеновича Кроткова (1848–1917), посвященная одному из самых интереснейших периодов: 1772–1783 гг. В эти годы Россия одерживает значительные победы над турецким флотом в Первой Архипелагской экспедиции, активно обновляет состав кораблей, совершенствует морскую тактику, увеличивает численный состав моряков и офицеров флота. Труд А.С. Кроткова (оригинальное название «Русский флот в царствование императрицы Екатерины II, с 1772 г. по 1783 год») единственный раз был издан в 1889 г. Однако благодаря собранному автором уникальному архивному материалу книга эта представляет и ныне большой интерес не только для историков, но и для широкой читательской аудитории.

ISBN 978-5-4444-8830-0

© Кротков А. С., 1889
© ВЕЧЕ, 1889

Содержание

Глава I[1] 7
Глава II 17
Глава III 23
Глава IV 29
Глава V 33
Глава VI 38
Глава VII 45
Конец ознакомительного фрагмента. 53

Аполлон Кротков Российский флот при Екатерине II. 1772-1783 гг.

© ООО «Издательство «Вече», 2016

* * *

Глава I[1]

Судостроение. – Судовой состав флота. – Постройка кораблей в Петербурге. – Введение в употребление шебек. – Деятельность адмирала Ноульса по постройке судов. – Постройка кораблей и фрегатов в Архангельске. – Замечания морских офицеров по улучшению кораблестроения.

Начавшееся с воцарением императрицы Екатерины II усиленное судостроение, принятие мер к улучшению личного состава флота, усиленные плавания, – все эти меры, принятые в первое десятилетие царствования императрицы к возрождению русского флота, упавшего после кончины основателя его, государя Петра I, продолжались и во второе десятилетие царствования и делают эту эпоху для русского моряка наиболее интересной. Конец первого десятилетия и начало второго ознаменовались для русского флота многими победами, одержанными в Средиземном и Черном морях, имевшими за собой реальное последствие – приобретение для России Азовского моря и большей части юга России, за которым вполне естественно последовало приобретение чрез несколько лет Крыма – твердой опоры для владения Черным морем. Все эти приобретения были бы немыслимы без содействия флота. Балтийский флот и балтийские моряки участвовали всецело в Средиземной экспедиции; они же участвовали в военных операциях и на Черном море, на созданной энергией императрицы Екатерины II Донской флотилии. Деятельность Донской флотилии была частью описана в одной из предшествующих частей «Материалов»; деятельность же балтийских моряков в Средиземном море – в XII части «Материалов».

Императрица Екатерина II, сделав важные приобретения по Кучук-Кайнарджийскому договору, придавала большое значение морской силе, с помощью которой были сделаны эти приобретения и защищать которые в то время следовало в Балтийском море, ибо Швеция, наша противница на севере, вступила через несколько лет в союз с Турцией, нашей противницей на юге. Несмотря на достаточные успехи на море, императрица Екатерина II продолжала заниматься улучшением флота, интересовалась его делами и отдавала флоту большое место в своих заботах о преуспеянии России.

За рассматриваемый период времени, с 1772 по 1782 г., было построено кораблей[2]: 18–66-пуш. в Архангельске, 1–66-пуш. в Кронштадте и 1–78-пуш., 4–74-пуш. и 2–66-пуш., в Петербурге, а всего было построено 26 кораблей. Фрегатов было построено 17, из них 3 в Петербурге и 14 в Архангельске; в Петербурге были построены 2–20-пуш. и 1–26-пуш. фрегат; в Архангельске было построено 5–38-пуш. фрегатов, обращенных впоследствии в 32 пушечные, и 9–32-пуш. фрегатов. Кроме этих судов были выстроены: в Кронштадте 2 бомбардирских корабля, 1 яхта, 1 полупрам и 1 пинка; в Архангельске 2 яхты и 5 пинок; в Петербурге 2 яхты и 3 бригантины.

Более мелкие суда, а также суда для гребного флота, строились в Олонце, Сердоболе, Петербурге; так, были выстроены в Олонце: 3 пакетбота, 4 краера, 1 полупрам, 2 бригантины и 13 дубель-шлюпок; в Сердоболе выстроены были 2 прама, а в Петербурге до 70 галер.

В судостроительной деятельности замечается некоторый перерыв; до 1775 года суда всех рангов строились довольно усердно, но после заключения Кучук-Кайнарджийского мира в 1775 году можно заметить остановку; постройка судов временно прекращается и только с 1778–1779 годов начинают опять наши корабли и фрегаты сходить ежегодно со стапелей, но уже не в прежнем количестве.

---

[1] В книге отчасти сохранены пунктуация, орфография и оформление сносок издания 1889 г.

[2] Линейные корабли, имевшие три артиллерийских палубы и три мачты. – *Примеч. ред.*

Спущенные в мае месяце 1772 года в Архангельске 4–66-пуш. корабля, в сентябре месяце прибыли в Ревель и получили имена от императрицы Екатерины II: «Александр Невский», «Борис и Глеб», «Преслава» и «Дерись».

17 августа 1772 года вице-президент Адмиралтейств-коллегии предложил Коллегии исполнить повеление императрицы Екатерины II – приготовить к скорому спуску 2 строившихся в Петербурге корабля.

Через месяц 2–74-пуш. корабля были спущены в Петербурге на воду и получили имена: «Исидор» и «Пантелеймон». В 1773 году в Архангельске были готовы к спуску 3–66-пуш. корабля, 3–32-пуш. фрегата и 1 пинк; но так как за укомплектованием всех кораблей и других судов, вооружавшихся в Кронштадте, морских офицеров не хватило бы на суда, спущенные в Архангельске, то решено было весною спустить только 3 фрегата и привести их в Кронштадт. На каждый фрегат, кроме командира, были назначены по 2 лейтенанта, по 2 мичмана и по 2 гардемарина; фрегаты эти были спущены весною 1773 г., получили имена – «Павел», «Евстафий» и «Наталия» и осенью того же года дошли до Кронштадта; 3 корабля были спущены в сентябре месяце 1773 года, получили от великого князя генерал-адмирала Павла Петровича имена: «Ингерманланд», «Азия» и «Америка», и пришли в Балтийское море в 1775 году.

Относительно строившегося в Петербурге корабля, императрица собственноручною запискою поинтересовалась узнать, когда корабль будет готов к спуску и будет ли он спущен по образцу спуска фрегата «Св. Марк», т. е. по способу адмирала Ноульса.

Указом, данным через несколько дней, было приказано корабль этот спустить по проекту адмирала Кновлеса[3]; корабль этот был спущен 22 августа 1773 года в присутствии императрицы и получил от нее имя «Св. Пророк Иезекииль», в память победы при Кагуле.

В Архангельске были спущены в 1774 году 3–66-пуш. корабля: «Слава России», «Благополучие» и «Твердый»; в 1775 году 2–66-пуш. корабля: «Николай» и «Храбрый». Фрегатов было спущено 32-пуш. в 1774 г. четыре: «Легкий», «Счастливый», «Св. Михаил» и «Поспешный»; имена эти дал, согласно воле императрицы, наследник Престола великий князь Павел Петрович, первый августейший генерал-адмирал русского флота; суда эти пришли в Кронштадт в 1777 году.

Постройка кораблей в Петербурге после 1778 года замедлилась. Уже 18 июля 1774 года было получено приказание остановить спуск выстроенных кораблей до 1775 года, а 4 августа подтверждено это приказание; причина этой остановки судостроения заключается в том, что 10 июля 1774 г. был подписан мир с турками. Но спуск остановился не на год, а на 5 лет, так как корабли эти были спущены только 24 июля 1779 года и получили имена от императрицы, присутствовавшей при спуске: «Константин», «Спиридон» и «Давид Салунский». Последний корабль, построенный в рассматриваемый период времени в Петербурге, был спущен 28 мая 1782 г. и получил от императрицы имя «Симион Сродник Господень», с тем чтобы в списках и где будет надо писался «Победослав».

Два выстроенные в Петербурге и спущенные в 1781 году фрегаты получили от Коллегии имена «Гектор» и «Проворный». В Кронштадте в 1780 г. был спущен 66-пуш. корабль и получил от Коллегии имя «Победоносец»; в Архангельске были спущены в 1778 году фрегаты «Александр», «Воин», «Мария», в 1779 г. «Патрикий» и «Симион», в 1780 году 2–66-пуш. корабля «Не Тронь Меня» и «Ианнуарий»; в 1781 году 4–66-пуш. корабля «Святослав», «Три Святителя», «Вышеслав» и «Родислав» и 2–32-пуш. фрегата «Слава» и «Надежда» – имена всем этим судам были даны императрицею.

Численный состав судов менялся сообразно обстоятельствам; в начале рассматриваемого периода менялось только число судов, постоянно увеличиваясь, а под конец – были

[3] Ноульса. По-английски его фамилия писалась Knowles.

изменены ранги кораблей. 4 сентября 1772 года императрица дала указ вице-президенту Адмиралтейств-коллегии графу Чернышеву, следующего содержания:

«Обстоятельства требуют, чтобы мы имели будущим летом в здешних портах до 20-ти линейных кораблей с надобным числом других судов, за исключением находящихся в Средиземном море, о чем приложите по Адмиралтейств-коллегии всевозможное старание, также о том, чтоб число галер или тому подобных судов к тому же времени до 100 в готовности было или сколько можно. Но при этом, чтоб на верфях было леса еще на 10 таковых кораблей для пополнения оного числа, или по первому повелению недостатка (в лесе) не было»[4].

Указ этот указывает на обстоятельства, которые могли заставить иметь в Балтийском море на кампанию 1773 г. до 20 линейных кораблей. Известно, что, несмотря на одержанные победы русским флотом в Средиземном море и русской армией на Дунае, турки в переговорах с нами выказали полную неуступчивость и, побуждаемые Англией, Францией, Австрией и Пруссией в отношении к своему победителю, – излишнюю требовательность, не оправдываемую тогдашним состоянием военных и морских сил Турции.

Императрице были известны эти интриги западных держав в Константинополе; зная что на море противником России могла быть одна Швеция, находившаяся в очень близких сношениях с Францией, императрица для обеспечения вполне своих побед на востоке понимала, что России надо быть в Балтийском море, настолько сильной, чтобы у Швеции не могло зародиться никакой надежды на успех в морском поединке с Россией. Так и было сделано: флот был увеличен в численном составе и никаких препятствий к исполнению своих планов на востоке императрица не встретила в то время в Балтийском море, так как Швеция была слаба в морском отношении, а Франция и Англия были заняты войной между собою. Но то, что не удалось в 1772 году, удалось западным державам в 1788 году, когда Швеция, воспользовавшись 16-летним промежутком времени, успела с помощью золота Франции и Пруссии значительно увеличить свой флот и остановить грозный удар, занесенный над Турцией, отправлением Второй экспедиции в Средиземное море, так как русский флот, занятый войною в Балтийском море, должен был остаться для защиты своих берегов.

Гениальная прозорливость императрицы угадала в то время, откуда могла грозить опасность ее планам на востоке и что отвратить ее возможно только сильным флотом в Балтийском море. Адмиралтейств-коллегия энергично принялась за исполнение воли императрицы, и в 1776 году было на воде 25 кораблей, бомбардирских судов 4, фрегатов 18; строилось же кораблей 8, фрегатов 9.

По штату 1764 года было положено иметь во флоте кораблей по трем разным комплектам: по мирному 21 корабль, по малому военному 32 корабля, и по большому военному комплекту 40 линейных кораблей. Число нижних чинов было положено сообразно этим 3 разным комплектам. В войну 1769–1774 гг. число всех плавающих кораблей превосходило число, назначенное по большому военному комплекту. После заключения мира наличие их превосходило малый военный комплект, а именно: состояло кораблей всего 33, кроме назначенных за ветхостью в разломку; из 33 кораблей 10 было совсем новых, «и не только в походах небывалые, но некоторые находились еще на стапелях». Остальные были недавней постройки и почти новые, а прочие в таком состоянии, что могли еще служить.

Так как такое увеличение числа кораблей было вызвано военными и политическими обстоятельствами, в которых находилась Россия в 1769–1774 гг., и так как по заключению Кучук-Кайнарджийского мира «точного правила по какому комплекту флот содержать» не было и Коллегия самопроизвольно не могла, по незнанию всех политических обстоятельств, установить, в каком комплекте флот держать, то она 8 марта 1776 года испросила себе от

[4] Денег на постройку кораблей было отпущено 387 тысяч рублей.

императрицы повеление: флот в Балтийском море иметь уже всегда по малому военному времени в 32 корабля и назвать этот комплект мирным, а бывший под этим названием комплект в 21 корабль навсегда отменить. Число людей содержать также по вновь установленному мирному комплекту.

Коллегия к этому же докладу представила и ведомость, из которой оказывается, что в это время в Балтийском флоте было:

Кораблей, фрегатов и прочих судов	По штату положено			Налицо	Сверх того
	В мирное время	В военное время			
		Малый комплект	Большой комплект		
74-пуш. кораблей	3	10	10	7	Назначено к разломке 2
66 -----"------	18	22	30	26	
Бомбардирск. корабл.	1	4	5	4	
Фрегатов	4	10	10	20	На пути из Архангельска 2 Назначено к разломке 3
Пакетботов	4	4	4	4	
Прамов	—	3	3	2	
Полупрамов	1	2	3	2	

23 октября 1781 года состоялся указ императрицы, по которому увеличивалось штатное число кораблей для военного комплекта; кроме того вводились корабли более сильные – 100-пушечные. Увеличение флота объяснено в указе тою пользою, которая произойдет от этой меры. Называть 8–100-пушечных кораблей повелено было в том же указе именами тех кораблей, которые прославились в Средиземном море и «которых именования предписано от нас оставить вечными». Места старых пришедших в ветхость кораблей следовало занимать новыми двухпалубными, постройка которых должна была производиться как в Петербурге, так и в Архангельске.

То место указа, которое предписывало называть стопушечные корабли именами кораблей, прославивших себя в Средиземном море, нестрого соблюдалось в самое царствование императрицы[5], а в последующее время и совсем было позабыто, хотя нельзя не согласиться, что эта мысль сохранить на вечные времена имена кораблей, отличившихся в сражениях в числе боевых плавающих судов, очень важна для поддержания боевых традиций.

По тому же указу следовало учредить два комплекта судов: мирный и военный, и сообразно этим двум комплектам определить число необходимых людей и снарядов, имея в виду, чтобы штат военного времени был всегда больше штата мирного времени.

Через 8 месяцев был представлен новый штат кораблей но мирному и военному времени; в обоих штатах 8–100-пушечных кораблей оставались без изменения, увеличивалось только по военному времени число 74-пушечных кораблей с 8 на 16 и 32-пушечных фрегатов с 12 на 16.

Императрица утвердила этот штат. С увеличением числа судов увеличилось и плавание их, и потому корабли и суда стали требовать больше починок и исправлений; сумма на содержание всех судов в исправности была увеличена и вместо 1/12 положена 1/10 суммы стоимости судов (впрочем, в 1/10 часть содержания судов в исправности было включено и содержание береговых строений).

[5] Были названы 4 – 100-пуш. корабля: «Три Иерарха», «Ростислав», «Саратов» и «Чесма»; последний по имени корабля «Чесма», отличившегося в Патрасском сражении.

Из числа матросов, положенного для кораблей мирного комплекта, 2/10 совсем не содержались в комплекте, а 1/10 часть обращалась на ластовые суда (грузовые суда. – *Примеч. ред.*).

Морские канониры содержались по числу, необходимому для управления орудий.

Морские батальоны следовало содержать по тому комплекту, который должны были установить совместно вице-президенты Военной и Морской Коллегии.

Сообразно всем этим ограничениям, следовало составить положение на содержание флота.

Коллегия пригласила в свое заседание флагманов, бывших в Архипелаге, по указанию которых, надо полагать, были исключены употреблявшиеся в Балтийском море пакетботы и введены в употребление легкие суда Средиземного моря – шебеки.

Это обстоятельство подало повод президенту Коллегии предложить Коллегии рассмотреть удобность вновь вводимых шебек, по сравнению с построенными для Черного моря и р. Дунай шкунами (шхунами. – *Примеч. ред.*) по чертежам адмирала Ноульса.

Собрание флагманов и командиров в Кронштадте высказалось, что шкуны удобнее для мелких вод, в узких местах и реках; вследствие плоского дна шкуны могут стоять на мели без вреда, а также и сняться с мели, могут малым числом людей управляться и могут держаться в море в большие ветры, но хода большого, особенно в бейдевинд, не имеют; шебеки же имеют одно достоинство – ходят легче всякого судна в бейдевинд, когда косой фок и все паруса могут нести; кроме того эти суда имеют большое значение, когда находятся при флоте и когда надо догнать какое-либо судно. Очевидно, что этот взгляд наших флагманов и командиров был ими вынесен из практики, когда наш флот в продолжении четырех лет блокировал Дарданеллы и успел пресечь подвоз к Константинополю всякой провизии из Архипелага.

Одним из видных деятелей в то время во флоте был приглашенный императрицей англичанин Ноульс. Неизвестно почему Коллегия относилась к нему не совсем доброжелательно, но это отношение проглядывает в действиях Коллегии, которая, соглашаясь во многом с адмиралом Ноульсом, отдавала такие распоряжения, что успеха от проектов Ноульса ожидать было нельзя.

В видах более скорого исполнения повеления относительно постройки кораблей и фрегатов Коллегия 3 мая 1772 г. разрешила строить из мягкой сосны фрегаты в Архангельске по чертежам Ноульса; корабли же должны были строиться из лиственницы по чертежам.

Необходимо было построить большие ластовые суда для перевозки груза в Архангельск, чертежи одних размеров были представлены от Ламбе-Ямеса и Селянинова, а других размеров Скуваровым; первые чертежи были одобрены Ноульсом. Коллегия сейчас же соглашается, что первые чертежи лучше; в числе доводов стоит и то обстоятельство, что чертежи эти одобрил Ноульс; но суда самые, под именем пинков, заказываются в Олонце, где не было ни верфи, ни рабочих и откуда суда эти должны были быть приведены на плашкоутах[6].

Для галерного флота нужны были прамы и полупрамы, но относительно этих судов Коллегия разошлась с Ноульсом и решила 1 сентября 1772 г. построить в Петербурге два прама: один по обыкновенной конструкции, ранее испытанной, а другой по проекту Ноульса; относительно же полупрамов решено было построить один по чертежу экспедиции, заведывавшей кораблестроением. Ноульсу же дать полупрам из имеющихся на лицо и сделать в нем переделки те, которые будут указаны Ноульсом. Но через несколько дней Коллегия отменила постройку этих судов в Петербурге и решила строить их в Олонце с подряда; если бы желающих строить эти суда не скоро нашлось, то строить разрешалось один прам и один полупрам, отменив постройку из прежнего наряда до пяти корабельных ботов, однако же с тем, прибавляет Коллегия, «чтоб оные суда были бы приведены в Петер-

[6] Плашкоут – несамоходное грузовое судно с малой осадкой. – *Примеч. ред.*

бург, в первую полую воду». Вместо же полупрама Ноульсу дали один большой пропорции плашкоут «в подобие полупрама», разрешили сделать необходимые скрепления и сделать пробу стрельбою. Насколько была медленна постройка, можно видеть из следующих чисел: 2 прама «Олифант» и «Сердоболь» в Олонце были заложены в феврале 1774 г., а спущены в мае 1776 года; следовательно, более 2 лет строились суда длиною 115 футов, шириною 35 футов, а глубиною 9 ф. 7 д.

Через два месяца Коллегия получила донесение, что строить прамы охотников в Олонце не нашлось, что можно было бы теперь построить один прам в Петербурге по чертежам адмирала Ноульса, но так как чертежей к дню решения Коллегии получено не было, то Коллегия и решила: строить прам в Петербурге, не ожидая от адмирала Ноульса чертежей, по прежней конструкции и нанять плотников такое число, какое нужно для постройки и спуска прама на воду к кампании 1773 г.

Но и тут постройку прамов в Петербурге постигла неудача: желающих с подряда строить не нашлось, а потому и решено было в случае неудачи, т. е. неотыскания желающих строить прамы с подряда, строить их вольнонаемными плотниками с помесячной платой; построить прамы пришлось в Сердоболе и строились они более 27 месяцев.

В Петербурге постройка 74-пуш. корабля «Иезекииль» по чертежам Ноульса шла успешнее; корабль этот был длиннее на 18 футов, шире на 8 футов и глубже на 1 фут прежних кораблей, и окончен постройкою в 8 1/2 мес.

В 1773 году адмирал Ноульс, придя в Адмиралтейство, приказал изменить существовавший порядок конопачения и указал свои правила; корабельный мастер донес об этом приказании Ноульса Коллегии, которая тотчас же послала указы «о непременном исполнении приказаний Ноульса».

Адмирал Ноульс предложил спускать корабли по найтовному фундаменту, но Коллегия не совсем охотно соглашалась на это изменение уже установившихся правил спуска кораблей. Потребовалось личное вмешательство императрицы.

Сначала она спросила, будут ли спускать корабль «Иезекииль» по образцу спуска фрегата «Св. Марк», т. е. по образцу адмирала Ноульса, а через 3 дня прямо приказала спустить корабль по проекту Ноульса; спуск действительно состоялся по новому проекту и корабль получил перегиб в 10 д., тогда как прежние получали эту перегибу в 7–8 д.

7 июля 1774 года тайный советник Стрекалов[7] объявил приказание императрицы: из строящихся в Петербурге кораблей отделать только один *как возможно наискорее* и спустить «по манеру адмирала Ноульса». Коллегия отдала соответствующие распоряжения о наискорейшем изготовлении корабля к спуску, но спустила его только в 1779 г., потому что спуск в назначенный день был отменен самой императрицей. 66-пуш. корабль «Спиридон», строившийся по чертежам Ноульса, совершенно отстроенный, простоял два года на стапеле.

В 1775 году Коллегия стала действовать смелее и поручила в виду получающейся большой перегиби, при спуске кораблей по проекту Ноульса, обсудить экспедиции совместно с корабельными мастерами: полезно ли спускать корабли по выдумке Ноульса.

Ноульс дал новые размеры рангоута кораблям и фрегатам; на последнем, например, грот-мачта была сделана длиною в 78 ф., толщиною в 23 д., вместо прежней в 85 фут длины и 27 д. толщины; в такой же приблизительно пропорции были уменьшены размеры и других частей рангоута. Коллегия разрешила иметь уменьшенный рангоут только на судах, построенных по чертежам Ноульса. Суда с укороченным рангоутом оказались плохие ходоки; в бейдевинд[8] их уваливало много под ветер, на что неоднократно жаловался адмирал Мордвинов, так что наконец великий князь Павел Петрович, генерал-адмирал русского флота, в 1776

[7] Личный секретарь императрицы.

[8] Бейдевинд – курс движения судна при встречно-боковом ветре. – *Примеч. ред.*

году, когда уже Ноульс, впрочем, оставил русскую службу, приказал рассмотреть донесение Мордвинова, к мнению которого присоединился и авторитетный голос адмирала С.К. Грейга.

Кроме Ноульса проектированием судовых чертежей занимался некий Мазини, мальтийский кавалер, принятый императрицей Екатериной II на службу в русский флот в чине контр-адмирала[9]. 22 июля 1773 г. Адмиралтейств-коллегия получила повеление построить бригантину по чертежу Мазини. Достоинства этой бригантины, по словам Мазини, заключались в том, что она имела две палубы; не имела книц для укрепления и связывания бимсов, но особый крепкий набор и замок; могла вместить до 300 чел. в военное время и была легка на ходу под парусами, но могла в случае необходимости ходить и под веслами. Такая бригантина «Вахтмейстер» действительно была построена и была длиннее строившихся ранее в русском флоте на 30 футов (100 вместо 70) и шире на 7 футов (22 вместо 15); прослужила она в русском флоте 8 лет.

Более энергично шла постройка кораблей в Архангельске, но, к сожалению, из сырого леса.

Командиром Архангельского порта был в то время (1772 г.) майор Ваксель, ранее не встречающийся в списках флотских офицеров, но заслуживший орден Св. Георгия 4-й степени, при высадке десанта с судов флота в Еникале.

Вступив в управление портом, Ваксель вступил в переписку с вице-президентом Коллегии графом Чернышевым, который писал ему, чтобы он сделал бы такой порядок в подрядах по поставке лесов и постройке кораблей, чтобы в 1773 году было бы отстроено и отправлено в Кронштадт 3 или 4 корабля и запасено лесов. Граф Чернышев имел в виду ускорить повеление императрицы о постройке 20 кораблей. Исполнением этого поручения, Ваксель, по сообщению графа Чернышева, зарекомендовал бы себя усердным и расторопным офицером. Самой Коллегии Ваксель донес, что к 1773 году будут готовы 3 корабля и 2 фрегата, но только с употреблением частью соснового дерева. Коллегия написала Вакселю 7 мая 1772 года, что она в его усердии «особливое находит удовольствие и отдает ему совершенную справедливость, яко попечителю о казенной пользе и исправному и расторопному командиру и надеется, что он употребит все свое старание показав на самом деле то, о чем ныне пишет».

За смертью корабельного мастера Давыдова, в Архангельск было сделано частному корабельному мастеру англичанину Гуниону предложение, не согласится ли он строить корабли для русского военного флота? Гунион согласился, но поставил следующие условия:

1) Он, Гунион, должен строить корабли и фрегаты по данным чертежам.

2) Имеет дело с одним Вакселем.

3) Ни в какие письменные производства (отчетность) не вступает, и до прихода и расхода материалов дела не имеет.

4) Все мастеровые с их мастерами должны быть у него в подчинении и послушании.

5) В случае смены Вакселя отказывается от всей работы; обязательство имеет только на один год.

6) За труды получает по 3 рубля с пушки.

Коллегия на все его условия, за исключением двух, согласилась: Ваксель может быть нужен в другом месте, и хотя она, Коллегия, не имеет намерения сменять Вакселя, но никак нельзя знать, какая нужда в нем может быть и что воспоследует с ним самим во время

[9] Мазини недолго был в русской службе; принят он был ввиду знания им левантийских вод, в которых в то время действовал русский флот, и той пользы, которую он оказал эскадре адмирала Свиридова в первое время ее пребывания в Средиземном море.

постройки судов; Коллегия кроме того не согласилась, чтобы Гунион работал один только год; по мнению ее, Гунион должен был остаться до окончания постройки заложенных судов.

Гунион согласился на эти изменения и стал строить корабли и фрегаты в Архангельске. Всего Гунионом было построено 6 кораблей и 10 фрегатов.

Адмиралтейств-коллегия старалась привлечь и частное судостроение к постройке военных судов и поручила Вакселю подыскать желающих взяться за это дело. Купец Баженин, род которого издавна занимался судостроением, отказался наотрез от казенных построек, а другой купец Пругавин согласился взяться за постройку фрегатов и пинок, начал работать, но не довел постройку фрегатов до конца, и фрегаты были окончены казенными средствами.

Ввиду недостатка корабельных лесов Ваксель выхлопотал разрешение освидетельствовать заготовленные леса у подрядчиков и понудить их вывозкою к пристаням, а по вскрытии рек (освидетельствование происходило зимою) отправить к Архангельскому порту. Выхлопотав разрешение строить фрегаты из соснового леса, Ваксель потом стал просить разрешения приставленный лес, не выгружая в Адмиралтейство, отправлять в желаемое место, т. е. Пругвину. Другими словами, Ваксель просил разрешения строить военные суда из сырого леса. Коллегия ответила, что Ваксель должен для лучшего употребления тех лесов сберегать их и держать под крышею, для чего и построить сараи; иначе говоря, разрешения не дала.

Точно так же и передачу казенных лесов частным судостроителям, для постройки военных судов, поставила в зависимость от своего разрешения, на каждый случай таковой передачи.

Морские офицеры, участвовавшие в Архипелажской экспедиции, находили иногда случай замечать различные улучшения на иностранных судах и доносили Коллегии о своих замечаниях. Так, например, капитан 2-го ранга Жемчужников, командир фрегата «Северный Орел», донес, что сделанные[10] на его корабле английские кетенс-помпы приносят «великую пользу», по сравнению с прежними помпами; далее, что корабли следует обшивать двойною обшивкою на просмоленной бумаге и обжигая наружную сторону второй обшивки. Вторая обшивка употреблялась уже в русском флоте, и корабли, отправленные в 1769 г., имели двойную обшивку.

Способ обжигания также стал употребляться в русском флоте, но неизвестно, с какого времени[11]. Потом Жемчужников писал, что на английских судах камбузные корабельные печи делаются из железных досок и на винтах, а внутри имеются кирпичи, как и на наших кораблях. На наших кораблях камбузные печи употреблялись в то время из одной кирпичной кладки с железной решеткой, и во время сильной качки эти печи давали трещины.

Наконец, на английских кораблях, по словам Жемчужникова, обшивают крюйт-камеру весьма сухими досками, также и столбы и решетки делают из сухого дерева; ящики же для хранения картузов употребляются решетчатые, дабы воздух мог свободно проходить. На наших же кораблях крюйт-камеры весьма сыреют, отчего и порох теряет свою силу. (Порох хранился в бочках не герметически укупоренных и картузы насыпались во время плавания по мере надобности, в крюйт-камерах.)

Коллегия, получив донесение Жемчужникова, через 4 года решила: английскую помпу для пробы поставить на корабле «Иезекииль», посмотреть ее действия и удобства и иметь потом на всех кораблях и фрегатах; английские камбузные печи, так как они прочнее употреблявшихся на наших судах, заготовить на пять новых кораблей и на два новых фрегата.

---

[10] В Портсмуте, где «Северный Орел» исправлялся починкою.

[11] Способ обжигания стал употребляться такой: судно килевалось и в этом положении наружная обшивка у него обжигалась; при недосмотре был случай, когда стали обжигать при сильном ветре и один фрегат, «Антоний», в Черном море сгорел.

В наших крюйт-камерах для внутренней обшивки употреблялись доски, между которыми накладывалась глина с шерстью, дабы воздух проходить не мог. Генерал-интендант Рябинин в 1778 г., осматривая на кораблях крюйт-камеры, нашел, что доски эти от употребления глины сгнили, и во избежание происходящих от сего «вредностей», предложил употреблять вместо глины с шерстью коровьи войлоки; Коллегия согласилась с этим предложением и решила принять этот способ предохранения крюйт-камер от доступа наружного воздуха на новых кораблях.

В 1778 году корабельными мастерами Ямесом и Катасоновым были представлены чертежи фрегатов для постройки; первый сохранил размеры, ранее употреблявшиеся, а второй составил новый чертеж, на котором увеличил число пушек. Хотя экспедиция докладывает Коллегии, что корабли и фрегаты велено было по инструкции строить «неотменно» по установленному образцу, но так как «никакого искусства в рассуждении пользы» ограничить нельзя, наоборот, следует прилагать крайнее старание, чтобы усовершенствовать корабельную архитектуру, «изыскивая новые пропорции», и потому следует каждому мастеру давать свободу делать чертежи кораблей новой пропорции, с изменениями к лучшему против прежних кораблей и с ясными и твердыми доказательствами пользы этих изменений. Коллегия согласилась с доводами экспедиции и Катасанову разрешено было построить фрегат по его новому чертежу; им был построен в Кронштадте кор. «Победоносец», прослуживший 27 лет.

Бывший в Англии корабельный подмастерье Масальский доставил несколько подробных чертежей кораблей, фрегатов и мелких судов английской и французской конструкции. Чертеж английского корабля был с медной обшивкой.

Было замечено, что корабли архангельской постройки хуже ходят кораблей петербургской постройки, в бейдевинд имеют большой дрейф, а на фордевинд[12] слушают худо руля; было представлено три чертежа кораблей: один – Ямесом, другой им же, но одобренный Грейгом, и третий Грейгом; Коллегия приказала построить корабли по двум последним чертежам, для сравнения их морских качеств между собою.

Для постройки 100-пуш. кораблей были выписаны из Англии чертежи кораблей. Коллегия дала их на рассмотрение Ямесу и Катасонову; каждый из мастеров сделал на английских чертежах свои изменения; Коллегия признала, что изменения, предложенные Катасоновым, будут лучше и полезнее для морских качеств 100-пуш. корабля, и потому поручила ему строить по его чертежу 100-пуш. корабль[13]. Способ предохранения подводной части кораблей заключался в том, что между первой и второй обшивкою были положены шерсть и толченое стекло; черви, проточив вторую обшивку, доходили до стекла и шерсти и первую обшивку не трогали. Но это было только в том случае, если вторая обшивка, источенная червями, не отваливалась, а раз она отваливалась, то отваливалась и шерсть и толченое стекло, и черви имели свободный доступ точить первую обшивку. Адмирал А.Н. Сенявин, находя, что двойная обшивка не достигает свой цели и что кроме того требует много времени и денег и увеличивает бесполезно вес корабля, в 1779 году предложил обмазывать подводную часть кораблей вываренною смесью смолы, пороховой мякоти, сала и толченого кирпича. Коллегия приказала контр-адмиралу Клокачеву в Севастополе сделать опыт над этим способом предохранения подводной части судов.

Наконец 23 октября 1781 года состоялось повеление императрицы Екатерины II о том, чтобы во флоте была бы введена в употребление медная обшивка кораблей, так как все

---

[12] Фордевинд – один из двух поворотов (поворот – смена галса) парусного судна, при котором направление ветра в момент поворота проходит через корму. – *Примеч. ред.*

[13] Первый выстроенный Катасоновым в 1784 г. 100-пуш. корабль был «Ростислав». Г. Тридечный в своих воспоминаниях, напечатанных в «Маяке», говорит, что корабль «Ростислав» был красавец и долго служил предметом восхищения для русских моряков.

опыты удостоверяют в пользе и необходимости таковой обшивки кораблей, отправляемых в дальние плавания.

Вероятно, в следующей части «Материалов» мы узнаем подробные сведения об исполнении этого повеления, так же насколько успешно и скоро обшивка медью подводной части кораблей была применена в русском флоте. Издание «Материалов» для истории русского флота подходит к временам Гогландского, Ревельского, Красногорского и Выборгского сражений, и весьма становится интересным узнать, насколько удовлетворительно в техническом отношении были построены корабли, участвовавшие в сражениях, так как только меньшинство кораблей, участвовавших в сражениях, были построены в рассматриваемый период времени.

Глава II

Плавание флота и отдельных судов и военные действия. – Плавание Практической эскадры контр-адмирала Сенявина из Архангельска в Ревель. – Вооружение нескольких кораблей и галер среди лета 1772 г. – Неудовлетворительное состояние галер. – Галера «Свирепая». – Депутатские смотры. – Ссора в Архангельске из-за депутатского смотра между Сенявиным и Вакселем.

Порядок, который был установлен регламентом об управлении Адмиралтейством и флотом, требовал, чтобы Коллегия, представляя доклад на высочайшее имя о необходимости вооружить флот или эскадру для внутреннего практического плавания, выставляла бы вместе с тем причины, почему назначается то или другое число кораблей в плавание.

У Коллегии в 1772 году было флотского комплекта мало; много офицеров было в плаваниях и в командировках: в Средиземном море, в Донской и Днепровской экспедициях. Кроме того в Средиземное море отправлялась вспомогательная эскадра, по счету третья, из 1–74-пуш. и 2–66-пуш. кораблей: «Чесма», «Граф Орлов» и «Победа». Наконец надо было привести из Архангельска в Кронштадт 4–66-пуш. корабля: «Александр Невский», «Борис и Глеб», «Преслава» и «Дерись».

За всеми назначениями офицеров и нижних чинов на эти суда наличного состава офицеров в Кронштадте оставалось на укомплектование только двух или трех кораблей. Коллегия между тем считала вооружение двух или трех кораблей крайне необходимым «для приобучения многого числа рекрут между матросами».

Императрица Екатерина II согласилась на представление Коллегии, высказавшей в своем докладе все эти доводы. На докладе была положена резолюция следующего содержания: «Все сие на сей год (1772) оставляется на благоусмотрении Коллегии». Так как Коллегия в том же докладе просила указать, сколько времени и где должны плавать корабли, вооруженные для практического обучения матросов, то этой резолюцией императрицы Коллегии предоставлялось право определить ближайшие подробности плавания Практической эскадры на 1772 год.

Коллегия приказала вооружить 4–66-пуш. корабля: «Память Евстафия», «Св. князь Владимир», «Святых жен Мироносиц» (далее по тексту «Мироносиц». – *Примеч. ред.*) и «Тверь»; последний корабль, зимовавший в Ревеле, следовало по вооружении, после вскрытия льда отправить в Кронштадт для лучшего осмотра и исправления починками. Командир же и команда корабля «Тверь» по прибытии в Кронштадт должны были перейти на вооружавшийся в Кронштадте корабль «Св. князь Владимир». На каждый корабль назначалось по одному капитан-лейтенанту в должность старшего офицера[14], по два лейтенанта и по семи мичманов. Кроме этих кораблей вооружался пинк «Нарген» для отвоза груза из Кронштадта в Архангельск. На 3 корабля и 1 пинк следовало, по предложению Коллегии адмиралу Мордвинову, расписать команды столько, сколько надлежит по рангу судов, если же в которых чинах[15] был бы недостаток, то места оных заменить по порядку из достойных; что же касается до рядовых, то так как большая часть их состоит из рекрутов, то для приобучения их к морю и к корабельным работам следует их назначать на корабли возможно большее число.

Корабль «Тверь», выйдя из Ревеля 18 мая, к 26 мая прибыл в Кронштадт, окончил кампанию, а командир, офицеры и команда с него перешли на корабль «Св. князь Влади-

[14] Капитан-лейтенантов было два, на третий корабль приказано было назначить в должность капитан-лейтенанта лейтенанта из старших по службе.

[15] Надо полагать, что это место указа относится до боцманов, боцманматов, квартирмейстеров, капралов, сержантов и других чинов нижнего звания, существовавших в то время.

мир»; в Кронштадте кроме этого корабля вооружался еще кор. «Мироносиц»; третий корабль «Память Евстафия» вооружался в Ревеле. Корабль этот раньше предназначен был в третью вспомогательную эскадру, отправлявшуюся из Ревеля под командою контр-адмирала В.Я. Чичагова в Средиземное море, но после того как решено было отправить вместо четырех – три корабля, корабль «Память Евстафия» был отставлен от заграничного плавания и назначен во внутреннее.

Кроме этих 3 кораблей Коллегия хотела присоединить к Практической эскадре 66-пуш. корабль «Вячеслав», отправленный из Архангельска летом 1771 года, но не дошедший в тот год до России, зазимовавший в Карлсгамне, шведском порте, и который в 1772 году должен был прийти в Россию.

Корабль «Вячеслав» пришел в Кронштадт 23 июля и первоначальное распоряжение Коллегии было: исправить какие окажутся повреждения на корабле «Вячеслав», снабдить его морскою провизиею «и прочим чем следует», сделать ему депутатский смотр и отправить в Практическую эскадру; для лучшего же приобучения вновь назначенных во флот рекрутов назначить их на корабль сколько можно, хотя бы и сверх комплекта; в число назначенных для обучения послать 50 чел. из галерного флота.

Но кораблю «Вячеслав» не пришлось в кампанию 1772 г. участвовать в Практической эскадре по обучению молодых матросов. Депутаты, осматривавшие корабль, нашли, что мачты его требуют исправления, которое займет немалое время, и плавание корабля для экзерциции (маневров. – *Примеч. ред.*) было отменено.

Практической эскадре было предписано плавать три месяца. Место плавания было назначено в Балтийском море до Готланда, «по приближении к которому стараться иметь оный только в виду, а проходить, не далее как до ширины острова Остен-Горден».

Коллегия представила кандидатов на места начальников Практической эскадры, двух лиц, но императрица назначила по своему выбору третье лицо – капитан-командора Базбаля.

Два корабля, «Св. князь Владимир» и «Мироносиц», 28 июля вышли на Кронштадтский рейд; через 8 дней на втором корабле поднял свой брейд-вымпел капитан-командор Базбаль; чрез 5 дней был этим кораблям депутатский смотр, а 9 июля корабли снялись с якоря и пошли к Ревелю, где у о-ва Нарген соединились с вооружавшимся в Ревеле кор. «Память Евстафия». Соединенная эскадра 12 июля отправилась в крейсерство и по 20 августа крейсировала в Балтийском море, потом вернулась в Балтийский порт, где налилась водою, и 28 августа отправилась во второй раз в крейсерство, но на этот раз, согласно указу Коллегии – ближе, а именно между Гангутом и о-вом Оденсгольмом. Эскадра окончила свое плавание 12 октября, и корабли разоружились в Ревеле, где и зимовали, согласно повелению императрицы от 17 августа.

Четыре корабля пришли из Архангельска под командой контр-адмирала Сенявина; 7 июля корабли начали кампанию, 7 июля в отсутствие начальника отряда главный командир Архангельского порта капитан 1-го ранга Ваксель сделал депутатский смотр отряду, а чрез 2 дня контр-адмирал Сенявин поднял свой флаг на корабле «Дерись» и 16 июля отправился с отрядом в Кронштадт. Отряд шел соединенно до 26 июля, но в этот день сильный шторм от SW[16] разлучил корабли, и каждый из них отдельно пришел в Копенгаген, откуда отряд вышел 7 сентября и к 12-му был уже на Ревельском рейде. Отряд контр-адмирала Сенявина кончил плавание 12 октября, в одно время с отрядом капитан-командора Базбаля, который принял под свою команду отряд, пришедший из Архангельска.

16 августа 1772 года императрица писала графу Чернышеву, вице-президенту Адмиралтейств-коллегии: «Обстоятельства требуют, чтобы находящиеся галеры как здесь[17] так

[16] Здесь и далее традиционное морское обозначение направления. – *Примеч. ред.*

[17] В Петербурге и Кронштадте.

и в Ревеле, были бы совсем изготовлены к походу настолько, чтоб по первому приказанию в 4 или 5 суток могли бы не только быть спущены на воду, нагружены и вооружены, но и отправлены в поход. Такая же нужда может заставить увеличить находящуюся в Балтийском море эскадру, а потому желательно, чтобы Коллегия сколько можно числом военных судов и кораблей оную эскадру (Базбаля) в случае надобности усилить могла, для чего принять все необходимые меры». Употребленные на это вооружение деньги разрешалось ставить на счет чрезвычайных издержек.

В этом указе обращают на себя слова: «Обстоятельства требуют», «такая же нужда может заставить увеличить плавающую эскадру», «в случае надобности». Очевидное дело, что экстренное вооружение части флота могли заставить сделать только политические обстоятельства. С Турцией, в июле месяце 1772 года, переговоры о мире в Фокшанах были прерваны, и Россия в этом случае не могла уступить туркам, которые, несмотря на понесенные поражения на море и сухом пути, поддержанные западными державами, были неуступчивы и не соглашались на условия России. Но еще ранее для поддержания наших сил в Средиземном море была отправлена туда же вспомогательная эскадра контр-адмирала Чичагова. Что отправить в Средиземное море более было некого, ввиду недостатка судов, императрица знала. Да вряд ли подкрепление наших сил в Средиземном море она имела в виду, отдавая повеление о вооружении судов на случай необходимости, на случай нужды. В этом можно убедиться из дальнейших слов указа, которым предписывалось эскадре Базбаля, единственной, которой можно было бы отправиться в то время (16 августа) в Средиземное море, по возвращении из плавания зимовать в Ревеле. Следовательно, экстренное вооружение кораблей и галер на случай необходимости следует объяснить теми политическими интересами, которые надо было защищать на Балтийском море.

Известно, что первый раздел Польши произошел 5 августа 1772 г.; известно также, что этот раздел возбудил великое неудовольствие в Англии, Франции и Швеции.

Не этим ли обстоятельством надо объяснить распоряжения об экстренном вооружении флота и галер? Не предполагала ли императрица, что ей придется защищать сделанные ею приобретения в Западной России, взамен покоренных ее оружием Молдавии и Валахии, на Балтийском море?

Приведенные условные выражения «в случае» допускают и то предположение, что этою демонстрациею только желали произвести известное впечатление на Францию, Англию и Швецию, где существовало очень выгодное мнение о русском флоте, после побед его в Средиземном море.

Как бы то ни было, но повеление императрицы было исполнено. 17 августа Коллегия распорядилась, чтобы в Кронштадте вооружены были с возможной поспешностью 1–74-пуш. и 2–66-пуш. корабля «из новых», т. е. исправных по постройке; в тот же день на корабли были назначены командиры, обер- и унтер-офицеры и рядовые, в том же количестве, как комплектуются корабли, приходящие из Архангельска, т. е. в уменьшенном числе. Морским провиантом предписывалось корабли снабдить на два месяца. Начальником этой эскадры был назначен К. Клокачев, отличившийся на корабле «Европа» в сражениях 24 и 26 июля 1770 года под Чесмою. 19 августа последовало подтверждение о скором вооружении этих трех кораблей и разрешалось ввиду осеннего времени «для подкрепления здоровья» выдавать во время вооружения нижним чинам по чарке водки.

27–29 августа были выведены из гавани и начали кампанию 74-пуш. корабль «Св. Андрей Первозванный» и 2–66-пушечных корабля «Виктор» и «Дмитрий Донской»; на кораблях этих производилось пушечное ученье и они все время простояли на Кронштадтском рейде. 10 октября корабли окончили кампанию и втянулись в гавань.

4 сентября последовало приказание Коллегии запастись морской провизией в прибавок к имеемой, еще на 6 месяцев на все наличное состояние военных судов и на 100 галер, таким

образом, чтобы провиант этот был бы в наличности к началу кампании 1773 года; денег на покупку провианта ассигновано было 150 т. рублей.

4 же сентября последовало приказание о том, чтобы к кампании 1773 года в Балтийских портах было бы в готовности до 20 кораблей и до 100 галер, и кроме того был бы заготовлен лес на постройку еще 10 линейных кораблей.

17 августа было приказано Коллегиею имеющиеся в Петербурге галеры изготовить к спуску и походу и держать в таком состоянии, чтобы по получении повеления чрез трое суток галеры могли бы отправиться в поход. На галеры было отпущено провианту на два месяца; всех галер было в Петербурге 37, да заложено к постройке 15.

Указ такого же содержания в тот же день был отправлен в Ревель, где находилось 5 галер; для командования этими судами был отправлен на почтовых капитан-лейтенант князь Шаховской и мичман Мордвинов. Кроме того были отправлены из Петербурга 32 матроса галерного флота в добавок к находящимся в Ревеле 63 чел. Но из находящихся в Ревеле 5 галер князь Шаховской мог приготовить только 4: «Непощаду», «Свирепую», «Удалую» и «Добычную», которых князь принял в свою команду, снабдил припасами и материалами, и распределил служителей по числу банок.

В Петербурге оказалось, что к 1 сентября могли бы быть спущены только 15 галер, остальные же 22 галеры только к 21 сентября. Главный недостаток заключался в том, что галеры рассохлись и их следовало раньше спуска на воду проконопатить. Для исправления этой работы необходимо было не менее 60 человек с инструментами, и через два дня галеру можно было бы спустить на воду, после чего необходимо было еще 7 дней на вооружение, снабжение всем необходимым и приготовление к походу.

Это повеление – вооружить галерный флот – застало Коллегию врасплох. По штатам мирного времени 1764 г. положено было иметь 50 галер; имелось налицо 37, да строилось 15. Из наличного числа могли быть спущены чрез 2 недели после получения приказания только 15; остальные без исправления, потребовавшего 3 недели, не могли быть спущены. Надо полагать, что неисправное состояние 22 галер было известно, так как Коллегия 18 августа просит о понуждении подрядчика доставить лес на 19 галер, еще в водяную коммуникацию 1772 года, и решила по доставке леса строить из него галеры, чтобы довести их число до штатного.

4 сентября последовало приказание довести число галер до 100. Коллегия ввиду большого числа галер, которые следовало выстроить, распорядилась за недостатком рабочих сократить работы по постройке больших судов, а именно: 2–74-пуш. корабля, строившиеся в Петербурге «Исидор» и «Пантелеймон», двойною обшивкою не обшивать и по спуске их заложить в Петербурге вместо двух кораблей – один. Энергичные меры Коллегии по постройке кораблей в Архангельске и Петербурге и других мелких судов в Петербурге, Архангельске, Олонде и Сердоболе нами уже указаны раньше, и мы к ним возвращаться не будем.

Из числа галер имелась одна двухпалубная – «Свирепая». Оказывается, что она по постройке была крепка и могла бы в сильные ветра держаться в море, но этому мешало то неудобство, что другая ее палуба не позволяла ручки весел опускать ниже, а лопасти поднять кверху. При ветре в бейдевинд или галфвинд[18] на «Свирепой» можно было только нести один парус, причем если был крен на один фут, то весла уходили в воду.

«Свирепая» сделана была острокильная, и от перехода 10 человек с борта на борт во время штиля весла уходили в воду; жить в ней было неудобно, камбуз же был устроен близ крюйт-камеры, и потому испытывавший ее к. Пущин предложил ее обратить в госпитальную галеру, так как «Свирепая» для военного действия не могла быть годна. Неудачная постройка

[18] Галфвинд – ветер, дующий поперек пути корабля под прямым углом. – *Примеч. ред.*

«Свирепой» вызвала со стороны контр-адмирала Мазини предложение о постройке бригантин.

Из мелких судов в Балтийском флоте плавали: галиот «Кронштадт» между Ревелем и Кронштадтом для перевозки материалов, и яхты «Транспорт Анна», «Петергоф», «Счастие» и «Алексей» между Петергофом и Петербургом.

Брандвахтенные посты содержали: в Кронштадте фрегат «Ульриксдаль», в Риге фрегат «Вестовой» и в Ревеле пакетбот «Лебедь».

При отправлении в плавание флота Коллегия должна была произвести депутатский смотр в составе вице-президента и при нем двух экспедиторов, а от прочих экспедиций по члену. Если же отправлялась эскадра, то депутатский осмотр делали один или два экспедитора[19].

На депутатских смотрах следовало удостовериться, все ли отпущено, что надо, имеют ли потребное число людей и офицеров, вообще говоря – готово ли судно к плаванию. В Архангельске и Ревеле депутатский смотр делали командиры и капитаны над портом, но с именем депутата.

В регламенте Екатерины II об управлении флотом и адмиралтействами сказано относительно депутатских смотров: так как депутаты должны представлять всю Коллегию, то потому им и почет следует отдавать, как всей Коллегии, т. е. имеют на шлюпке флаг адмиралтейский и получают салют согласно морскому уставу, равный с салютом генерал-адмиралу.

Случалось, что в Ревеле и Архангельске депутатский смотр делали лица чинами ниже флагманов, командовавших эскадрами. Флагмана «таким депутатам не делали уважения» и не отдавали установленных почестей. Это обстоятельство побудило Коллегию, для отвращения несогласий и замешательств «отчего иногда может потерпеть и служба», подтвердить эту статью регламента о депутатских смотрах и послать указы в порты следующего содержания: «Так как часто случается, что делающие смотры и в Кронштадте имеют чин меньше нежели командир эскадры, то почести в лице их отдаются Коллегии; в других же местах депутатский смотр хотя делают командиры и капитаны портов, но с именем депутата, и такой депутат, какого бы чина он ни был, равен депутату и определяемому от Коллегии, а потому следует отдавать ему те же почести что полагается по регламенту т. е. при депутатском смотре иметь адмиралтейский флаг, которому салютовать из 13 пушек; командиры же эскадр поступая по сему, исполнять будут должность законом положенную и не мало к своей обиде и оскорблению почитать не должны».

Разъяснение это все-таки не устранило недоразумений. Главным командиром Архангельского порта был капитан 1-го ранга Ваксель, который вместе с тем был назначен депутатом от Коллегии для осмотра отправляющейся из Архангельска эскадры, командиром которой был контр-адмирал Сенявин.

Ваксель посылал от депутатских дел, т. е. как бы от Коллегии, указы Сенявину, который эти указы не принял и впредь отказался принимать, и в свою очередь стал посылать ордеры Вакселю. В них Сенявин писал, что депутатским делам быть тогда, когда от него будет дано знать, да и депутаты-де бывают в Кронштадте, а тут-де город Архангельск. Ваксель обиделся и обратился с жалобой в Коллегию «на такое развратное размышление, не сходствующее с указом о почтении Коллегии». Намек на непочтение к Коллегии был ясен, и

[19] Порядок управления флотом в то время был следующий: во главе управления стояла Адмиралтейств-коллегия из постоянных членов, не входивших в число флагманов, положенных для командования флотом. Число членов или экспедиторов было ограничено 5: генерал-кригскомиссара, генерал-интенданта, генерал-цейхмейстера, генерал-цалмейстера и генерал-контролера. В ведении каждого члена Коллегии или экспедитора было по одной экспедиции, которых всех было также 5: комиссариатская, интендантская, артиллерийская, казначейская и контрольная. Из круговедения экспедиции было исключено: командование, обучение команд, наблюдение за дисциплиною. У каждого экспедитора были помощники: обер-интендант, обер-кригскомиссар, обер-цейхмейстер и т. д. В каждой экспедиции было по два советника из флотских чинов.

через несколько времени Ваксель принес вторую жалобу на Сенявина, что при депутатском смотре он, Ваксель, имел у себя адмиралтейский флаг, а подлежащей де пальбы капитаны кораблей не делали. Сенявин ответил на запрос прямо, что салюта не приказал производить он, ибо в морском уставе он не мог найти правила, по которому следовало бы производить салют шлюпочному флагу. Коллегия рассердилась на Сенявина не только за неисполнение указа своего, но и за придание ему такого толкования, которое порочит указ, и приказала: сдав команду над приведенною им эскадрою старшему по себе, самому прибыть «для порядочного ответа» в Петербург.

Глава III

Переход третьей вспомогательной эскадры из Ревеля в Архипелаг. – Инструкция контр-адмиралу Чичагову. – Состояние наших сил в Архипелаге в 1772 г. – Действие отряда Ризо у Бейрута. – Условия перемирия, заключенного адмиралом Спиридовым. – Несогласие графа Орлова на пропуск турецких эскадр во время перемирия. – Распоряжения графа Орлова после разрыва перемирия. – Нападение отряда контр-адмирала Грейга на крепость Чесму 24 октября 1772 г.

Для вспомогательной эскадры, отправляемой в Средиземное море под командой контр-адмирала В.Я. Чичагова, были выбраны 4 корабля из числа зимовавших в Ревеле, но императрица приказала отправить 3 корабля, а «офицерам выдать вперед каютные и порционные деньги и жалованье за год». Коллегия, извещая об этом Чичагова секретным указом, вместе с тем говорит, что приготовления к плаванию кораблей 74-пуш. «Чесма» и 66-пуш. «Победа» и «Граф Орлов» возлагается на него, Чичагова, по его благорассмотрению и командирским требованиям.

23 апреля все три корабля вышли из Ревельской гавани. 4 мая им был произведен депутатский смотр, по окончании которого Чичагов поднял свой флаг на кор. «Чесма». 8 мая эскадра тронулась в путь и чрез 10 дней бросила якорь в Копенгагене. 5 июня эскадра отправилась далее, чрез месяц, нигде не останавливаясь, прошла Гибралтар и 16 июля вступила в порт Магон, место, где наши корабли в войну 1769–1774 гг. имели обыкновенно первую остановку по вступлении в Средиземное море. Этот длинный переход отразился большим числом больных на эскадре, так что по приходе в порт Магон Чичагов прежде всего свез больных на берег, хотя и получил при входе в порт предписание графа А. Орлова спешить в Ливорно. Только к 6 августа, взяв выздоровевших в числе 357 чел., эскадра 8 августа вышла из порта Магона и к 15 августа пришла в Ливорно, где граф А. Орлов оставил предписание Чичагову: сдать команду над эскадрою старшему по себе корабельному капитану, а самому вернуться в Россию. Чичагов так и сделал и по возвращении в Россию за благополучный привод эскадры получил орден Св. Анны 1-й ст.

При своем отправлении Чичагов получил инструкцию, из которой видно, что увеличение нашего флота в Средиземном море эскадрою Чичагова вызвано было тем соображением, чтобы привести силы, находящиеся в распоряжении графа Орлова «еще больше в состояние к продолжению счастливых успехов», и чрез то понудить турок «к скорому заключению надежного и постоянного мира».

Корабли предписывалось снабдить всем необходимым по примеру отправленных ранее в Средиземное море. Уход эскадры из Ревеля следовало сделать с первым попутным ветром и для соединения с нашим флотом идти «сколь возможно скоро».

Заходить в какой-либо порт до самого Гибралтара или, «лучше сказать», до Магона, не рекомендовалось, ибо эскадра могла запастись всем необходимым, а особливо водою, в датских портах, Копенгагене или Гельсиноре, где должны были дожидаться выписанные заранее из Англии лоцмана для прохода Английским каналом. Сделано это было с тою целью, чтобы «лишить могущей встретиться нужды заходить в английские порты и иметь заботу» о лоцманах.

Располагать плавание оставлялось по инструкции на усмотрение Чичагова. Ему сообщены были политические отношения к различным державам, владения которых лежали на пути эскадры, и как ему держаться, в случае если бы необходимость заставила его зайти в порта этих держав. Эта часть инструкции во всем подобна инструкции адмиралу Свиридову, напечатанной в XI томе «Материалов». Точно так же инструкция обращала внимание Чичагова на то, чтобы купеческие суда, какой бы они христианской нации ни принадлежали,

не останавливать и не осматривать ни под каким видом, но, напротив, подавать им всякую возможную помощь.

Дальнейшие приказания по прибытии в Средиземное море Чичагов должен был получить от графа А. Орлова или от адмирала Свиридова.

Военные действия в 1772 году продолжались в Архипелаге с тем же успехом как и раньше. Силы наши состояли в 1772 году: из 9–66-пуш. кораблей: «Европа», «Св. Иануарий», «Ростислав», «Св. Георгий Победоносец», «Саратов» (присоединился к эскадре 21 ноября, а до того времени исправлялся в Мальте), «Всеволод», «Три Святителя», «Три Иерарха» (весь 1772 год исправлялся в Ливорно»), «Не Тронь Меня» (переделывался в фрегат в порте Ауза); 1–54-пушечпаго корабля «Азия»; и с октября 1772 года еще из одного 74-пушечного корабля «Чесма» и двух 66-пуш. кораблей «Победа» и «Граф Орлов».

Всего в Средиземном море и Архипелаге было к концу 1772 года: 1–74-пуш. корабль, 11–66-пуш. кор. и 1–54-пуш. корабль.

Фрегатов было: 40-пуш. «Северный Орел», 32-пуш. «Надежда Благополучия», «Надежда», «Африка», «Минерва», 26-пуш. «Св. Николай», 22-пуш. «Наксия», 20-пуш. «Помощный», 16-пуш. «Слава», 10-пуш. «Парос»; и с неизвестным числом пушек: «Григорий», «Тино», «Архипелаг», «Делос», «Св. Павел», «Победа», «Констанция», «Запасный», «Андро», «Мило», «Миконо», «Зея» и «Виктория».

Остальные суда состояли из 3 бомбардирских кораблей: «Гром», «Страшный» и «Молния», 3 пинок: «Венера», «Сатурн» и «Соломбал» и 1 пакетбота «Почталион».

Положение военных дел на сухом пути было следующее: главная армия Румянцева, после побед предшествовавших двух годов, удерживала левый берег Дуная и неоднократно переходила на правый, причем были взяты три крепости. Вспомогательная армия князя Долгорукова заняла Крым. Турки стали договариваться о мире.

В начале 1772 года на рейде Ауза стояло 7 кораблей, 14 фрегатов, 2 пинка, 3 бомбардирских корабля и 1 пакетбот. Один корабль исправлялся в Мальте, другой в Ливорно, а третий «Иануарий» находился на станции по остовую (восточную. – *Примеч. ред.*) сторону острова Патмос.

4 января из порта Ауза вышел отряд генерал-адъютант Ризо из 4 пинок и 1 полугалеры, и занимал свою станцию у Негропонта и Сиры до половины апреля. Когда же к нему присоединилась одна шебека и одна полугалера, то вся эта эскадра направилась к берегам Сирии. Одна шебека отделилась и пошла к Дамиетте, где узнала, что Али-Паша Египетский, с которым граф Орлов вошел в сношения, разбит турками и находится в Каффе. Шебека направилась к Каффе, где уже был отряд судов Ризо. Получив известие от Али-Паши, что из Бейрута готовится к выходу турецкий фрегат, Ризо отправил на встречу фрегату для его уничтожения: полаку, шебеку и полугалеру. Фрегат, завидя наши суда, выбросился на берег, а команда его спаслась вплавь. Наши же суда стреляли по фрегату.

7 июня отряд Ризо подошел к Бейруту, поднял российские флаги и открыл огонь по батареям, с которых турки отвечали. От 8 до 11 июня отряд продолжал усиленно бомбардировать крепость, свез на берег десант, который наступал на город, предавая на своем пути попадавшиеся строения огню, при поддержке пальбы по городу с судов отряда.

12 июля бомбардировка с судов отряда прекратилась. По взятии десанта с берега отряд отошел из выстрелов, а 17 июня совсем отошел от Бейрута и чрез месяц вернулся в порт Ауза.

27 февраля из порта Ауза вышла эскадра контр-адмирала Елманова в составе 4 кораблей – «Св. Георгий Победоносец», «Ростислав», «Всеволод» и «Азия», 5 фрегатов, одного бомбардирского судна и одного пакетбота, и направилась к Дарданеллам, получив изве-

стие[20], что оттуда вышли 6 алжирских фрегатов и 6 галер, которые, узнав о выходе эскадры Елманова, возвратились в Дарданеллы.

Назначение эскадры Елманова было прекратить подвоз провианта из Архипелага в Константинополь.

19 мая было заключено перемирие в главной армии Румянцева, а 20 июля и в Архипелаге.

23 мая граф А. Орлов доносил, что, несмотря на все принятые меры: неоднократное удаление от Дарданелл фрегатов, рассылка их в другие порта, изменение фрегатов по наружному виду, не могли побудить турок к выходу из Дарданелл с эскадрою. Только однажды неприятель вышел, для того чтобы проконвоировать мелкие суда, нагруженные на румелийском берегу съестными припасами, но, узнав о приближении эскадры Елманова, быстро скрылся, оставя несколько судов, нагруженных пшеницею и лесом.

Эти нагруженные суда были взяты вооруженными шлюпками, несмотря на защиту с берега пушечной и ружейной пальбой.

Далее граф А. Орлов извещал, что он находит единственный путь к нанесению вреда неприятелю – это совершенно пресечь ему подвоз военных снарядов и съестных припасов, которые турки получают от нейтральных наций, особенно от французов, торгующих в Леванте. Для прекращения такой, военным законом предосудительной торговли, граф А. Орлов обнародовал манифест, посредством которого предостерегал нейтральные нации от подвоза туркам всех таких вещей, которые вредны русским военным действиям.

Вместе с тем граф А. Орлов просил снабдить его наставлениями, как ему поступать, на случай предполагаемого на море перемирия, относительно пропуска к туркам съестных и других припасов. Граф Орлов высказывал вместе с тем свое мнение, что турки в свободное время перемирия могут запастись всем необходимым и тогда возможно ожидать разрыва переговоров и продолжения войны.

Между тем как граф А. Орлов оставался в Италии, в Архипелаге перемирие заключено было адмиралом Спиридовым. Причина, почему граф А. Орлов оставался в Италии, заключалась в том, что корабль «Три Иерарха», на котором граф прибыл в Ливорно, продолжал починяться в Порто Феррайо, и граф потребовал себе другой корабль из Архипелага. Ему был послан кор. «Ростислав», который и прибыл 29 июня 1772 г. в Ливорно.

На этом корабле находился и посланный курьером к графу А. Орлову из главной армии Румянцева – поручик Кумани, который по прибытии в Константинополь отправлен был вместе с султанским уполномоченным Мустафа-Пашою в Парос, и оттуда уже на корабле «Ростислав» направился в Ливорно.

3 июля доносил граф А. Орлов, что он получил из Петербурга условия перемирия, заключенного на Дунае, и что как только корабль «Ростислав» окончит нагрузку всем необходимым, он отправится в Архипелаг и будет содействовать предложениям Порты о заключенном уже перемирии.

Вместе с этим донесением граф А. Орлов посылал взятые русским флотом при разных случаях, а особливо при сожжении турецких кораблей в Метелине, неприятельские флаги, щиты и знамена[21].

Ожидая заключения мира с Портою, граф А. Орлов через несколько дней писал в Петербург и просил включить в мирный договор условие, по которому все суда его эскадры, а равно и русские подданные, могли бы остаться по заключении мира в турецких областях, до тех пор пока не окончатся исправления судов, и если нельзя будет выговорить неограниченное время, т. е. пока суда не будут все исправлены, то необходимо по крайней мере

[20] Сведения о действиях этой эскадры очень кратки в XII томе «Материалов».

[21] Часть этих трофеев до сих пор хранится в Кронштадтском арсенале.

выговорить 6 месяцев, по причине больших расстояний между судами, дабы не произошло «новой остуды и жалоб» со стороны турок.

Желание графа А. Орлова, ввиду тех поводов, из-за которых произошла война 1769 года, представляется вполне справедливым.

6 августа корабль «Ростислав» с графом А. Орловым прибыл в Архипелаг, и вскоре граф, подняв кейзер-флаг, вступил в командование флотом, и 20 августа извещал, что по прибытии его в Архипелаг перемирие с турками было заключено адмиралом Свиридовым, и что он получил рескрипт о перемирии чрез Константинополь.

В рескрипте заключалось повеление пропускать в турецкие порта нейтральные суда с провиантом. Во исполнение этого повеления граф А. Орлов распорядился отпустить все забранные суда, снабдил их всем необходимым и послал всем крейсерам приказ: во время перемирия не забирать впредь суда с подобным грузом. Исполняя это повеление, граф А. Орлов вместе с этим донесением просил инструкции, как ему поступать в случае незаключения мира: на основании ли изложенного в полученном им рескрипте, или же держаться обнародованного им манифеста к нейтральным державам, по которому во время войны он не пропускал в турецкие порта суда нейтральных держав. Если же брать суда и платить им деньги за взятый товар, говорил граф А. Орлов, то этим побудить можно шкиперов ставить такие большие цены, что получится себе больший убыток, чем неприятелю. Если же пропускать без задержки все суда с провиантом, то он, граф А. Орлов, находится в новом затруднении, ибо все действия вверенного ему флота были направлены к тому, чтобы оголодить или по крайней мере сделать дороже съестные припасы в людных неприятельских местах. При разрешении провозить во время войны неприятелю съестные припасы все предприятия его, графа А. Орлова, делаются расстроенными, так как незначительность десанта, который естественными путями время от времени уменьшается, не позволяет ему ничего предпринимать на сухом пути, где неприятель, пользуясь перемирием, не преминет усилиться и запастись провиантом.

Адмирал Свиридов, воспользовавшись прибытием графа А. Орлова в Архипелаг, отпросился по случаю болезни в Италию для поправления здоровья. Адмирал просился в Россию, но граф А. Орлов, извещая о таковом его желании, отпустил его только в Италию, приказав сдать главную команду над флотом контр-адмиралу Елманову.

Между тем лето 1772 года прошло, а мира с турками заключено не было. Подробностей мирных переговоров нет в XII томе, и мы касаться их не будем, но несомненно одно, что турки успели во время перемирия запастись провиантом.

7 ноября граф А. Орлов доносил, что турки во время перемирия деятельно вооружались, усилили на островах в разных крепостях гарнизоны, снарядили две Варварийских и одну Дульциниотскую эскадры, под предлогом усмирения появившихся около Дамаска возмутившихся турецких подданных[22]. Все эти действия турок возбудили подозрения графа, и он не только не согласился на предложение турок о пропуске их эскадр во время перемирия, но и принял с своей стороны меры. Отправив с отказом приезжавшего к нему для переговоров турецкого уполномоченного Гассан-агу, сам граф А. Орлов двинулся с эскадрою к Хиосскому проливу, не предпринимая еще враждебных действий против турок. 19 сентября он получил в Хиосском проливе извещение от наших уполномоченных на конгрессе в Фокшанах о разрыве переговоров и перемирия и потому к 29 сентября вернулся с своей эскадрой в порт Ауза, где собрались главные силы флота.

Граф Орлов сделал следующие распоряжения о занятии тех мест, которые в силу перемирия были нами оставлены в Архипелаге.

---

[22] Турки просили пропустить эти эскадры против Али-бея Египетского, но им из осторожности было отказано. Дабы воспрепятствовать туркам выйти из Дарданелл, граф А. Орлов ходил с флотом к острову Имбро и Дарданеллам.

1) Отправил небольшую эскадру Войновича из фрегатов «Св. Николай» и «Слава», шебеки «Забияка», поллак «Модон» и «Ауза» в Адриатическое море для диверсии там удержанием вооружившихся дульциниотов. Эскадра эта стала крейсировать при острове Цериго, между Кандией и Морейским берегом, наблюдая движения дульциниотской эскадры, собранной в Лепантском заливе. Войнович имел приказания от графа А. Орлова, что если его сил не достанет для удержания 26 дульциниотских и рагузинских судов, намеревавшихся сообща с дарданелльскими сделать нападения на наш порт на острове Парос, то ему, Войновичу, обратиться за помощью к эскадре капитана 1-го ранга Коняева, которая должна была к этому времени подойти в Архипелаг. Войнович узнал, что ему с 5 судами не справиться с 26 неприятельскими, стал крейсировать на том пути, где он должен был встретить эскадру Коняева.

2) Отправил небольшой отряд Фондезина из фрегата «Северный Орел», пакетбота «Почталион» и одной поллаки для занятия о-ва Самоса и узкого пролива, отделяющего берега малой Азии от острова. До конца года отряд этот находился в крейсерстве в Архипелаге, имея станциею остров Патмос. 23 сентября к отряду присоединился фрегат «Тино», а 9 декабря фрегат «Победа».

3) Кроме того был отправлен один военный фрегат с небольшим числом вооруженных мелких судов к островам Родосу, Кипру и египетским берегам, для наблюдения за движениями неприятельских судов.

Во время этих распоряжений граф А. Орлов получил от Капудан-Паши уведомление, что Румянцев испросил от турецкого главнокомандующего на Дунае новое перемирие на 40 дней, т. е. с 10 сентября по 20 октября. Это извещение было неверно в том отношении, что просили его турки, а не Румянцев. Тем не менее Капудан-Паша просил графа Орлова не начинать военных действий в Архипелаге, а ожидать скорого прибытия курьера от Румянцева с известием о продолжении перемирия, но граф Орлов не поверил этому письму Капудан-Паши, основываясь на прежних своих с ним сношениях, тем более, что известие о продолжении перемирия не было послано в турецкие крепости, расположенные в Греции и в Архипелаге, и по всем доходившим до графа сведениям, турки с поспешностью готовили дульциниотскую эскадру в Лепанто.

Граф Орлов не отменил ни одного из своих приказаний и ответил Капудан-Паше, что русский флот в Архипелаге не имеет необходимости в новом перемирии, но в воле Порты прислать к нему уполномоченного для договора о перемирии, если Порта искренно желает мира. Несколько дней после своего ответа Капудан-Паше граф Орлов действительно получил от Румянцева письмо, которым тот уведомлял графа, что турки просили у него вновь перемирия на 6 месяцев, но он дал им только на 40 дней. Так как письмо это граф получил 8 октября, и до окончания нового срока перемирия оставалось только 12 дней, то он не изменил ни одного из своих распоряжений.

Граф Войнович неоднократно уведомлял графа Орлова, что дульциниотская эскадра вышла в море и находится у берегов Мореи.

Граф Орлов оставил в силе все свои прежние распоряжения Войновичу относительно истребления дульциниотской эскадры, и 15 октября отправил контр-адмирала Грейга с эскадрой в отдельное плавание. Эскадра Грейга состояла из кораблей «Победа», «Три Святителя», «Всеволод», фрегатов «Надежда», «Африка», «Победа», «Парос», «Григорий» и «Констанция» и бомбардирского корабля «Молния».

Назначение эскадры Грейга было: по истечении нового срока перемирия предупредить турецкие предприятия. Грейг, подойдя с своей эскадрой к Хиосскому проливу, отделяющему остров Хиос от берегов Малой Азии, откуда перевозились войска для усиления турецких гарнизонов, сделал 24 октября нападения на крепость Чесму, атаковал оную с моря фрегатами и высадил десант, который в составе 520 чел. регулярного войска (Лейб-гвардии Пре-

ображенский полк и часть албанцев) выгнал из форштадта турок, овладел им и двумя магазинами, одним провиантским, а другим корабельным с блоками, 2 небольшими орудиями и 5 фальконетами. Последние были перевезены на суда, форштадт и магазины сожжены, а также находившиеся в порту неприятельские суда, частью сожжены, частью взяты в плен. Потеря наша простиралась при этом сражении до 9 чел. убитых и до 10 чел. раненых, а всего 19 человек.

Лейтенанта Ханыков вывел из-под крепости под неприятельскими выстрелами 2 фелюги, 1 барказ и 2 лодки, за что получил орд. Св. Георгия 4-й степени за храбрость[23].

При этом сражении, по донесению Грейга, отличились командиры корабля «Всеволод» капитан 1-го ранга Раксбург, фрегатов «Надежда» кап. – лейт. Кожухов и «Африка» кап. – лейт. Извеков, которые, как храбрые и исправные офицеры, при атаке крепости легли с своими судами, несмотря на сильный неприятельский огонь (из 8 пушек), на якорь не более как в 150 саженях от крепости и, открыв свои батареи, стреляли с такою скоростью и точностью, что тотчас же крепость принудили замолчать и, сбив с нее пушки. переломали станки, разбили стену, бастионы и множество домов.

Извещая об этой новой победе русского флота императрицу, граф А. Орлов еще ничего не знал о поражении турецкого флота в Патрасском заливе, но тем не менее он подробно излагал в донесении от 7 ноября о планах турок.

По надежным известиям, доносил граф Орлов, турки намерены были произвести нападения на флот в порте Ауза и на самый остров Парос во время перемирия, которое, с турецкой стороны, никогда не было чистосердечно. С недобрым намерением была испрошена отсрочка перемирия со стороны турок, но дабы удобнее успеть в своем вероломном предприятии, на которое научили турок «недоброхоты, завидующие славе победоносного В.И.В. оружия», имевшие достаточно точные сведения о состоянии русских морских и сухопутных сил в Архипелаге.

План этот был сочинен, утвержден Сулеманом и поручен Капудан-Паше для исполнения с крайней поспешностью, дабы нападение совершено было раньше, нежели эскадра, находившаяся в Средиземном море (кап. 1-го ранга Коняева), могла бы соединиться с флотом в Архипелаге, несмотря на новое перемирие на 40 дней. С этою же целью к нему графу Орлову не был прислан никто из уполномоченных, дабы в случае удачи вероломного нападения неприятель мог бы наружно оправдаться тем, что с русским флотом не было никаких договоров вновь, не было и перемирия. Эти замыслы турок, открывавшиеся постепенно, увеличили подозрения графа Орлова, а непрекращавшиеся вооружения утвердили его в подозрениях, особенно после того, когда его представления в сильных выражениях, чтобы вооружение варварийской и дульциниотской эскадр с десантными войсками, как несогласное условиям перемирия, было удержано, – не были уважены. В своих представлениях граф Орлов уведомлял турок, что выход помянутых эскадр в море он будет считать за нарушение перемирия и справедливою причиною к его явному разрыву, и будет отражать эскадры силою оружия.

На его представления не было получено никакого ответа, а между тем вооружения Порты продолжались с крайнею поспешностью, дабы успеть привести в исполнение план нападения во время перемирия на русский флот в порте Ауза.

[23] Список георгиевских кавалеров.

Глава IV

Замыслы турок о нападении на русский флот во время перемирия. – Разбитие дульциниотского флота под Патрасом 28 октября 1772 г. – Роль графа Войновича до Патрасского сражения. – Заключение второго перемирия.

План турок напасть на русский флот во время перемирия состоял в следующем.

Дульциниотская эскадра, состоящая из 47 фрегатов и шебек 30- и 16-пушечных с 8 т. десантных войск, должна была, выйдя из Адриатического моря, остановиться у морейских крепостей Модона, Корона и Наполи ди-Романия и взять оттуда до 4 т. албанцев. Другая эскадра из тунисских судов, состоящая из 6–30-пуш. фрегатов и 6–16-пуш. шебек, должна была остановиться в портах острова Кандии и взять оттуда из гарнизонов 3 т. человек. Третья эскадра при острове Родосе, состоявшая из военных и транспортных судов, должна была соединиться с военными судами, находившимися при крепости Будрум на берегу Малой Азии, и посадить к себе десантные войска.

Турецкая эскадра, состоявшая из линейных кораблей, каравелл, шебек и 8 брандеров, находившаяся в Дарданеллах, должна была под главным начальством Капудан-паши, вместе с алжирскою эскадрою, располагать свои движения таким образом, чтобы по выходе из Дарданелл соединиться с военными и транспортными турецкими судами с десантными войсками с островов Тенедоса, Лемноса, Метелина и Хиоса. Турки располагали умножить свои десантные войска людьми, сосредоточенными на азиатском берегу у крепости Чесма, дабы можно было с надежным успехом сделать нечаянное нападение на порт Ауза и сжечь весь находящийся там на якоре русский флот, в то время как дульциниотская и тунисская эскадры вместе с десантными войсками дарданелльской эскадры вдруг бы высадили десант на остров Парос и уничтожили бы находящиеся там наши сухопутные войска, адмиралтейские учреждения и магазины.

Такие неприязненные действия турок побудили графа Орлова занять оборонительное положение, захватить необходимые посты и проливы для станции наших судов и отправить эскадры в разные места, а особенно против морских разбойников дульциниотов, дабы не допустить соединиться их с тунисцами.

Между тем соединения дульциниотской эскадры с тунисской не произошло и первая была истреблена. Случилось это таким образом.

Капитан 1-го ранга Коняев, известясь от Войновича, что граф Орлов приказал ему принять начальство над соединенной эскадрой Войновича и эскадрой, состоящей из 74-пуш. корабля «Чесма» и 66-пуш. корабля «Граф Орлов», идти искать Дульциниотскую эскадру и ее истребить, направив чрезвычайно энергично все свои действия к исполнению возложенного на него поручения. Войнович сообщил ему, что в Патрасе находится под начальством Капудан-паши 9–30-пуш. фрегатов и 16–20- и 30-пуш. шебек и кроме того ожидается там же прибытие из Корфу 12 судов с десантом.

Коняев решил предупредить это увеличение турецкой эскадры и потому пошел прямо к Патрасу и 25 октября увидал лавирующий в Патрасском заливе турецкий флот, в составе 25 судов под флагом Капудан-паши. Эскадра Коняева шла при тихом попутном ветре прямо к неприятелю, дабы не допустить его в Лепантский залив за крепости. Наступившая ночь и шквал от N с дождем и пасмурностью не позволили начать сражение. Ночь с 25 го на 26-е эскадра Коняева лавировала «без действия». 26 октября утром эскадра Коняева увидела турецкий флот на ветре лавирующим в Патрасском заливе и к W от 2 Лепантских крепостей построилась по сигналу в линию баталии (корабли и фрегаты), мелкие же суда держались во второй линии под ветром боевой линии. Сделано это было с тою целью, чтобы турецкие мелкие суда не абордировали наши мелкие суда. В таком порядке эскадра Коняева лави-

ровала весь день 26 октября и старалась сколько можно прийти на ближнее расстояние к неприятелю. После полдня были отрезаны от турецкого флота две шебеки и один фрегат, и посланные Коняевым фрегаты «Николай», «Слава», шебека «Забияка» и поллака «Модон» имели с ними сильный бой на пушках и, пишет Коняев, «от жестокой наших судов стрельбы неприятельские фрегат и шебека принуждены были спасать себя бегством по ветру». Наши суда преследовали их с пальбою, несмотря на стрельбу с береговых турецких укреплений, и загнали все три судна на мель к патрасскому берегу. К вечеру эскадра Коняева приблизилась к турецкой и имела с нею бой, прекратившийся с наступлением ночной темноты. Пролавировав всю ночь, эскадра Коняева увидела неприятельский флот, состоящий из 8 фрегатов и 14 шебек под защитою 2 Лепантских крепостей, расположившийся на якоре. Крепкий норд-ост, дувший весь день 27 октября, не позволил приблизиться настолько, чтобы можно было вступить в сражение, и только к вечеру эскадра Коняева приблизилась и каждый корабль, подходя с лавировкой к ближним неприятельским фрегатам, имел с ними бой на пушках. 28 октября эскадра подошла на ближнее расстояние к турецкому флоту, и с 2-х крепостей, а также с турецких судов, открылась по приближавшимся нашим судам жестокая пальба. По диспозиции следовало подойти к неприятельскому флоту возможно близко, а особливо кораблю «Чесма», которым командовал сам Коняев. «Чесма» должна была стать к осту от корабля «Граф Орлов», близко к крепости. Последний, замешкавшись в управлении кораблем и парусами, своего места не заступил и спустился под ветер. Место его занял кор. «Чесма» и в 11 ч. 30 м. два корабля «Чесма» и «Граф Орлов», фрегат «Николай» на якоре, а прочие суда под парусами, вступили в бой. С кор. «Чесма» стреляли книпелями, ядрами, картечью. Такую же стрельбу производили и другие суда. В исходе 12-го часа от стрельбы с наших судов на ближайшем турецком фрегате сшибли бизань-мачту. От стрельбы брандскугелями с корабля «Чесма» загорелись ближайшие турецкие фрегаты и шебеки, и тогда с них турки стали бросаться в воду и спасаться вплавь на берег. С судов эскадры Коняева увеличилась стрельба картечью.

Загоревшийся турецкий фрегат был на ветре; на ветре же вскоре после полдня показался идущий под парусами турецкий фрегат, по направлению к эскадре Коняева, который предположил, что последнее судно турецкий брандер. Так как опасность была от обоих судов, как от идущего, так и загоревшегося, ибо они оба были на ветре, то во избежание бедствия с своими судами Коняев, обрубив канат на кор. «Чесма», вступил под паруса и стал лавировать. То же самое сделали и два других наших судна, стоявших на якоре.

В 1-м часу был послан лейтенант Мекензи на вооруженной шлюпке, которому было приказано: ежели можно, то побежденные суда привести в эскадру, а если нельзя, то сжечь. Мекензи, взойдя на один фрегат, старался его снять с мели, отдал на нем паруса, поставил своих людей к пушкам и производил из них стрельбу по туркам на берегу, беспокоившим его ружейной пальбой, буксировался шлюпкою, но, заметив, что фрегат движения не имеет и стоит на мели, зажег его. Перебравшись на другой фрегат и тоже будучи не в состоянии и его снять с мели, Мекензи зажег и второй фрегат. С другой шлюпки вызвавшийся охотником констапель Сукин зажег 2 фрегата и 1 шебеку. С фрегата «Николай» была зажжена адмиральская шебека; с шебеки «Забияка» был зажжен один фрегат. Фрегат, принятый за брандер, свалился с загоревшейся шебекой и сам загорелся. Остальные 8 судов, верпуясь, ушли за крепость «с большим от нашей стрельбы повреждением». Фрегат Капудан-паши был сильно избит, «и по достоверному известию от греков», в тот же день потонул.

29 октября увидели оставшиеся под крепостью две шебеки горевшими; загнанные на мель 1 фрегат и две шебеки были зажжены фрегатом «Слава». Всего было сожжено 8 фрегатов и 8 шебек.

Коняев с похвалой отзывается о поведении офицеров и нижних чинов во время сражения. Убит был на кор. «Чесма» лейт. Кузьмин, ранено: кап. – лейт. Лопухин, рядовых 5, да на поллаке «Модон» грек 1, всего 7 человек. Потери турок были гораздо больше.

Таким образом, истреблением эскадры в Патрасском заливе графу Орлову удалось разрушить план турок – нечаянного нападения на о-в Парос. Что такое намерение было, пишет граф Орлов от 25 ноября, это видно из донесения Войновича, который, подняв нейтральный флаг, ходил к Ионическим островам и виделся с некоторыми командирами дульциниотских фрегатов. Командиры этих судов открыли ему свое намерение – усилившись войсками из Морейских крепостей, произвести нападение на Парос, передавали, что о перемирии они не слыхали, и, наоборот, им приказано вооружить эскадру возможно скоро. По словам донесения, Войнович объявил дульциниотским капитанам где они находятся, и ввиду продолжавшегося перемирия отпустил их с своего судна свободно и просил передать начальнику их, чтобы он удержался от своего намерения, в противном случае принудят русский флот дать им сражение. Увидя, что приготовления турок продолжаются, Войнович пошел навстречу Коняеву и передал ему приказания графа Орлова: вместе с эскадрою Войновича идти навстречу дульциниотам, стараться не допустить их и соединения с тунисским флотом и к проходу в Архипелаг, и «буде найдет в турецком паше настойчивость в намерениях, то противился бы ему силою оружия». Коняев, зайдя в Занте, узнал, что по соединении всех турецких сил при Патрасе командовавший флотом распускает слухи, что немедленно отправится искать бежавшую от него русскую эскадру и по разбитии ее откроет себе беспрепятственный путь в Архипелаг для дальнейших действий.

Получив эти известия, а также уведомление о разрыве перемирия, Коняев взял на себя задачу – разбить дульциниотский флот. Энергичные, не оставляющие места никакому сомнению инструкции графа Орлова нашли в Коняеве не менее энергичного исполнителя его приказаний.

Победа Коняева под Патрасом была полная, и эскадра его, вернувшаяся к флоту 16 ноября, была встречена торжественным образом со стороны всего русского флота, собранного у о-ва Миконо. Граф Орлов, получив известие о победе Коняева, отправил Грейгу приказание придвинуться к Дарданеллам для наблюдения за турецким флотом и Алжирской эскадрой, собравшихся, по известиям графа А. Орлова, в Дарданеллах.

Отдав это приказание Грейгу, граф Орлов получил от Обрезкова письмо из Бухареста, по которому он извещался о заключении нового перемирия с турками на 4 месяца.

Заключение нового перемирия обезоружило графа Орлова, по его замечанию, пред вооруженными турками, которые под наружными признаками миролюбия выигрывают только время для своих выгод, не имея ни малейшей, по-видимому, склонности к совершенному примирению.

Граф Орлов в своем донесении говорит, что он удержит до некоторого времени выжидательное положение и будет употреблять оружие с большою осторожностью по следующим причинам: в Кандии находится 12–30-пуш. тунисских фрегатов и шебек, да по Адриатическому морю гуляют остатки разбитой дульциниотской эскадры. Ввиду близкого положения Кандии к Паросу он отправит в Кандию эскадру и поручит спросить турецкого пашу: известно ли ему о заключении нового перемирия на 4 месяца, имеет ли он приказания возвратиться в Тунис или же остается при Кандии для совершения разъездов и с каким намерением? В последнем случае, прибавляет гр. Орлов, невозможно смотреть спокойно на столь близко стоящую эскадру. Остатки дульциниотского флота возбуждали в графе Орлове опасения потому, что могли бы помешать свободному сообщению с Италией, и оттого он считает необходимым отправить в Адриатический залив несколько военных фрегатов.

Занятые им места и посты после окончания срока первого перемирия, так как эти посты усилены и защищены, граф Орлов намеревался оставить за собою для «предосторожности

от коварного неприятеля». Гр. Орлов ожидал, что для переговоров о перемирии к нему будет прислан особый уполномоченный от турок.

В письмах к Панину гр. Орлов продолжал жаловаться на несоблюдение условий турками во время перемирия, что турки никогда не были прямодушны, благодарил за наставление, как поступать с «судами нейтральных держав, которым он оставит совершенную свободу плавать, хотя это послужит к нашему вреду».

Всем нашим крейсерам была сообщена инструкция, по которой следовало поступать с судами нейтральных держав. По этой инструкции:

1) Суда под флагами турецкими, алжирскими, тунисскими, триполийскими и рагузинскими, признаются законным призом со всем их грузом, хотя бы и нейтральных держав.

2) Суда под греческим флагом, идущие или выходящие из турецких портов, признаются законным призом.

3) Флаг нейтральных судов не прикрывает военного груза, который конфискуется, хотя бы он принадлежал купцам нейтральных держав; за провоз и простой ничего не платится.

4) Флаг нейтральных держав не прикрывает неприятельского груза.

Остальные §§ инструкции касались ведения дел призовой комиссии и перечисления предметов военной контрабанды: съестные припасы не были в числе военной контрабанды.

25 декабря 1772 года граф Орлов отправил новое донесение относительно разбития турецкого флота при Патрасе, в котором подробно мотивирует свои приказания, имевшие следствием истребления этой эскадры. Что его предположения относительно замышлявшегося нападения во время перемирия на остров Парос были верны, граф Орлов между прочим видит и в том, что «до сих пор, Порта не сделала ни малейшего о всем том отзыва». Убегая изобличения, не присылает в Архипелаг особенного уполномоченного для заключения 4-месячного перемирия и принуждает в зимнее время содержать у Дарданелл эскадру из 4 кораблей и нескольких фрегатов. Что турки в ожидании последовавшей на норде перемены (намек на раздел Польши) вооружаются, а потому флот, несмотря на суровую зимнюю погоду, находится у Дарданелл все время под парусами, во всегдашней готовности отразить всякое покушение со стороны турок, чего он, граф Орлов, имеет причины ожидать.

В конце года были отправлены из Архипелага в Россию около 60 офицеров, частью по болезни, а большею частью ввиду той потребности в офицерах, которая появилась по случаю увеличения численного состава судов в Балтийском море.

Глава V

Отправление отряда капитана Круза в Любек за невестою великого князя Павла Петровича. – Прибытие отряда Круза в Ревель и встреча принцессы Гессен-Дармштадтской. – Посещение принцессою эскадры. – Плавание Практической эскадры в 1773 г. – Плавание галер. – Отправление четвертой вспомогательной эскадры контр-адмирала Грейга в Архипелаг. – Переход эскадры Грейга до Англии.

В 1773 году 28 февраля императрица Екатерина II писала графу Чернышеву о том, чтобы приняты были меры и по очищении моря и рейдов от льда, отправлены с благополучным ветром один фрегат, два пакетбота и яхта «Екатерина», и что ей было бы весьма угодно, если суда эти будут готовы отправиться в море между 1 и 9 мая. Цель отправления этих судов не указана, но, вероятно, она была известна Чернышеву. Из назначенных самою императрицею судов яхта «Екатерина» была неблагонадежна к плаванию. Вероятно узнав об этом, императрица, «дабы никакое сомнение не осталось в мыслях ее о надежности посылаемых судов в безымянной комиссии», приказала отправить вновь отстроенный фрегат, два пакетбота, и если число означенное в реестре людей не поместится, то отправить четвертое судно вместе с тремя названными. Выход их в море должен был состояться между 1 и 9 мая.

Коллегия назначила «в особую экспедицию» фрегат «Св. Марк», пакетботы «Быстрый» и «Сокол» и один галиот. Все суда образовали отряд, врученный капитану 1-го ранга А. Крузу. Офицеры и команда на эти суда были назначены по выбору адмирала Мордвинова, и мы знаем из других источников, что выбор был строгий.

4 мая императрица писала Чернышеву, что если суда готовы, то могут идти в Любек, «где должны дожидаться грузу, о котором даст им знать генерал-майор Ребиндер».

Суда эти были отправлены за принцессою Вильгельминой Гессен-Дармштадтской[24], впоследствии первой супругой цесаревича Павла Петровича, Наталией Алексеевной. Шканечных журналов о плавании этих судов не сохранилось, но вот что, например, записано в шканечных журналах других судов.

6 июля пришли на Ревельский рейд, где уже стояла эскадра Базбаля, фрегат «Св. Марк» под брейд-вымпелом и пакетбот «Сокол». В 1-м часу дня фрегате «Св. Марк» произвел салют из 11 выстрелов, а в 13 ч. 30 мин. из 9 выстрелов. В 15 ч. 30 мин. на фрегате «Св. Марк» были поставлены люди по реям и вантам и произведен салют из 9 выстрелов; в 4 ч. дня с городской крепости был произведен салют в 51 выстрел.

Надо полагать, что по приходе в Ревель принцесса в тот же день съехала на берег. 9 июня на прибывшем с принцессами фрегате «Св. Марк» и пакетботе «Сокол» расцветились флагами; то же было сделано и на флагманском корабле «Александр Невский». 10 июля корабль был посещен принцессами, на фрегате и пакетботе произвели салют в 9 выстрелов, а на всей эскадре люди были поставлены по реям, штагам и вантам. На корабль прибыли принцессы, с сопровождавшими их лицами и контр-адмирал Базбаль с штаб- и обер-офицерами. С корабля сделали 15 выстрелов, чрез полчаса принцессы съехали на берег и для отдания почести опять послали людей на реи и ванты, кричали ура 5 раз и произвели салют из 13 выстрелов.

20 июня все три судна пришли в Кронштадт, были осмотрены, введены в гавань, но кампании не окончили, а получили приказание быть готовыми.

16 апреля Коллегия представила Высочайший доклад, в котором изъясняет, что она считает крайне необходимым в кампанию 1773 года, для обучения весьма большого числа рекрут между матросами, вооружить флот, который она по числу офицеров, наличных и

[24] Кобеко. Цесаревич Павел Петрович, стр. 82–89.

ожидаемых из Средиземного моря (60 ч.) и из Донской флотилии, может вывести на рейд из 14 кораблей, 8 больших и малых фрегатов, 2 бомбардирских корабля и 2 брандвахта. Из числа этих судов в Ревеле находились 7 кораблей и 1 фрегат, а остальные в Кронштадте. Три корабля были построены 3 года тому назад, а прочие корабли все новые. Вместе с тем Коллегия просила указа сколько вооружить кораблей и фрегатов на кампанию 1773 г., сколько времени и в каких местах плавать и кому быть командирами эскадр. Рекруты были и в галерном флоте. Коллегия в том же докладе просила вооружить несколько галер для обучения рекрут.

Императрица положила следующую резолюцию: вооружить в Кронштадте и Ревеле до 15 кораблей и фрегатов и вывести Ревельскую эскадру на рейд 1 мая, а Кронштадтскую к 15 мая, провиантом запастись на 6 мес. Вооружить две или три галеры, которым плавать для обучения рекрут до Березовых островов.

Начальниками эскадры были выбраны императрицей контр-адмиралы Чичагов и Базбаль, из которых первый, командуя Кронштадтской эскадрой, должен был иметь плавание до Готланда, а второй между островом Даго и мысом Стефенса, заходя и в Кеге-бухту (в Дании). Эскадрам приказано было в плавании быть до 1 сентября, а потом возвратиться в свои порты.

Одно из первых распоряжений Коллегии было: послать к главному командиру Ревельского порта контр-адмиралу Шельтингу приказание, по которому следовало все суда, находящиеся в Ревельской гавани, приводить со всевозможным старанием в исправность, а особенно корпуса их, так что как только было бы получено повеление о вооружении судов, то это было бы исполнено без малейшего упущения времени.

Адмирал Шельтинг и командиры судов должны были наблюдать, чтобы все вооружающиеся суда были бы в такой степени готовности, чтобы впоследствии, сколько бы ни плавали, не могли бы возвратиться к порту и требовать исправления повреждений. Коллегия грозила за неисполнение ее приказаний ответственностью по закону.

Во исполнение повеления императрицы Коллегия распорядилась: 1) Вооружить в Ревеле 7 кораблей и 1 фрегат, вывести их на рейд 1 мая непременно, и быть им на рейде впредь до приказания, а так как в море могут идти только 4 корабля и 1 фрегат, то 2) к пополнению 15 кораблей вооружить в Кронштадте 6 кораблей, 3 фрегата и 1 пакетбота, которые вывести на рейд 15 мая и этой эскадре быть на рейде до повеления. 3) Ревельскую эскадру укомплектовать субалтерн-офицерами таким образом, чтобы на каждом корабле был один капитан-лейтенант, два лейтенанта и три мичмана, а на фрегате два лейтенанта и два мичмана. Остальных же офицеров расписать на кронштадтские корабли, назначив в число их находящихся в морском корпусе. 4) Так как на назначенных в плавание кораблях мачты были разных пропорций, отличавшихся от прежде употреблявшихся в нашем флоте (одни размеры по проекту Ноульса, а другие – адмирала Мордвинова), то командиры должны делать наблюдения и сравнения, при различных обстоятельствах погоды, над ходом и поворотами кораблей. Если же окажется, что вследствие укладки трюма дифференты кораблей разные, то приводить дифферент до одинакового положения. Вести всем наблюдениям обстоятельную запись и представить потом в Коллегию, которая рассмотрит, какие из мачт полезнее употреблять. На корабле «Вячеслав» мачты были сделаны по шведской пропорции, а потому и командиру сего корабля делать наблюдения. Так как на корабле «Чесма» мачты сделаны по пропорции адмирала Ноульса, и корабль этот испытан не только на переходе в Архипелаг из Кронштадта, но и в плавании по Архипелагу, и потому удобнее на нем было произвести сравнение коротких мачт с длинными, а у адмирала Спиридова спросить, какие по его усмотрению на кораблях мачты иметь полезнее. 5) Вооружить в Кронштадте две галеры, морского же провианта отпустить на два месяца. 6) 4 оставшиеся в Кронштадте корабля, 1 фрегат и 2 бомбардирских корабля, вооружить и держать «в исправной готовности», чтобы во всякое время по первому приказанию вывести на рейд.

23 мая 3 корабля из Ревельской эскадры: «Память Евстафия», «Борис и Глеб» и «Преслава», после отправления эскадры в море, было приказано ввести в гавань, и из кронштадтских кораблей прибавить корабль «Вячеслав» и фрегат «Александр», так чтобы в Ревельской эскадре образовалось бы 5 кораблей и 3 фрегата, а в Кронштадтской эскадре 5 кораблей и 2 фрегата, и по сделании депутатского смотра отправить в путь.

8 июля Кронштадтская эскадра в составе 5 кораблей: «Пантелеймон», «Андрей Первозванный», «Яков», «Виктор», «Архангельск», 3 фрегатов: «Гремящий», «Надежда», «Екатерина» и пакетбота «Курьер», под флагом контр-адмирала Чичагова, снялась с якоря и пошла к весту (западу. – *Примеч. ред.*) в ордере двух колонн. Через два дня пришла на Ревельский рейд, где стояла Ревельская эскадра контр-адмирала Базбаля.

18 июля эскадра двинулась в путь к остовой стороне Готланда и до 21 июля крейсировала в море. Два корабля, более старые по возрасту, «Яков» и «Архангельск», получили течь и вернулись в Ревель, и вместо них были высланы другие два корабля, бывшие в числе запасных: «Память Евстафия» и «Борис и Глеб». Чичагов заходил в Тагелахт-бухту для того, чтобы налиться пресною водою и отправить больных в Ревель. Больных на всех кораблях и фрегатах было 315 чел., из них отправлено было в Ревель 158 человек, умерло в июле месяце 31 чел.

Во время крейсерства эскадра встретилась с датским фрегатом «Дрейвер-Дрей», командир которого объявил Чичагову, что находится в море для практики с гардемаринами и имеет намерение идти в Кронштадт.

2 августа эскадра опять вышла в море, проплавала до 16 августа, зашла в Ревель и через месяц вернулась в Кронштадт, где и кончила кампанию.

Ревельская эскадра, в составе кораблей: «Александр Невский», «Мироносиц», «Князь Владимир», «Дерись», «Вячеслав» и фрегатов «Феодор» и «Александр», начала кампанию 1 мая. Сначала флаг имел контр-адмирал Барж, а потом контр-адмирал Базбаль. Эскадра эта простояла до 14 июня на рейде, участвовала во встрече Гессен-Дармштадтских принцесс и в этот день вышла в море. Эскадра крейсировала в Балтийском море, производила пушечные ученья с пальбой и три недели простояла в Кеге-бухте. К 27 августа вернулась в Ревель и вскоре окончила кампанию. И эта эскадра имела много больных. С эскадры было отправлено больных в Ревель 131 человек.

Для обучения матросов галерного флота были вооружены две галеры: «Ауза» и «Парос». Команда над ними была поручена капитану 2-го ранга Арсеньеву, который получил от Коллегии приказание обучать матросов:

1) На гребле поворачивать по ветру и против ветра, тому же учить и под парусами. 2) Подымать, опускать и крепить паруса. 3) Обучать действию пушками и мелким ружьем, «воображая то, что случится во время абордажа». 4) Бросать лаг и лот.

Галеры эти проплавали два с половиной месяца, три раза ходили в Биоркэ и три раза меняли команду.

26 июля 1773 года граф А. Орлов писал императрице, на вопрос ее: нет ли необходимости в подкреплении нашего флота в Архипелаге, – что такая необходимость существует, хотя турецкие верфи в Мителенах, на Родосе и других местах разорены, но тем не менее у турок осталось адмиралтейство в Константинополе и в других портах на Черном море, где производится энергично строение судов, так что к лету 1774 года они будут иметь большие морские силы. Русский же флот в Архипелаге, за ветхостью многих кораблей, приходит в бессилие, и потому, если продолжится война с турками, то он, граф Орлов, считает необходимым подкрепиться новой эскадрой в 3–4 линейных корабля и несколько транспортных судов. В случае заключения мира суда эти нужны будут для забрания людей и снарядов. На другие суда остается весьма мало надежды, чтобы они могли дойти такой дальний путь при возвращении флота из Леванта в Россию.

Граф Орлов отправил в Россию контр-адмирала Грейга, прося командование новой эскадрой, отправляемой в Средиземное море, вручить Грейгу. Искусство в мореплавании, знание здешних мест, писал Орлов, отличное усердие Грейга и ревность его к службе подают надежду, что эскадра с успехом и вовремя придет в Средиземное море.

В заключение граф Орлов прибавляет, что он при этом донесении отправляет взятые у неприятеля в разные времена штандарты, флаги, знамена и другие военные турецкие знаки.

24 августа состоялось приказание: обе крейсерующие в Балтийском море эскадры вернуть немедленно в Ревельский порт и приготовить к отправлению в Архипелаг, без потери времени, 4 корабля и два фрегата. Отправляемую эскадру снабдить всем необходимым, фрегаты же взять из числа новых, идущих из Архангельска, для чего следовало послать нарочного в Копенгаген, который бы задержал идущие из Архангельска 3 фрегата. Эскадра поручалась собственноручной припиской императрицы контр-адмиралу Грейгу.

24 же августа Коллегия распорядилась: эскадрам Чичагова и Базбаля, вернувшимся в Ревель, стоять на рейде впредь до повеления. Из кронштадтских кораблей приготовить 2, из ревельских 1 корабль, из крейсирующих в море фрегатов 2. Суда эти следовало приготовить без потери времени, сходно с тем, как готовились раньше корабли, для отправления в Средиземное море. Приготовление и снабжение кораблей возложено было на главных командиров портов, на капитана над Кронштадтским портом. Лица эти, кроме того, должны были наблюдать, чтобы со стороны командиров кораблей не было бы жалоб на неудобства. В случае же неудовольствия со стороны командиров и неисправностей, а также промедления времени, Коллегия обещала возложить ответственность на главных командиров и капитана над портом. Надо прибавить, что этот § приказания всецело следует отнести по адресу строптивого контр-адмирала Сенявина, исполнявшего в то время обязанность главного командира Кронштадтского порта. Из Ревеля следовало доносить об успехе работ каждую почту, а из Кронштадта через три дня. Провизию на эскадру следовало отпустить на 6 месяцев. Экспедициям каждой по своей части следовало стараться доставить запасы на корабли без упущения времени.

Архангельске фрегаты пришли раньше в Кронштадт, чем послали им приказание остановиться в Копенгагене. Коллегия желала, чтобы по примеру прежних отправлений офицерам отправляющейся эскадры были бы выданы вперед каютные и порционные деньги и жалованье за 2/3 года, а остальную треть в море. Неизвестно решение императрицы, но можно почти достоверно сказать, что она, как и раньше разрешала, разрешила и на этот раз выдачу денег вперед.

Эскадру Грейга составили 4 корабля: «Исидор», «Дмитрий Донской», «Александр Невский» и «Мироносиц», и 2 фрегата: «Павел» и «Наталия».

9 октября эскадре был произведен депутатский смотр, 12 октября поднял свой флаг на корабле «Исидор» контр-адмирал Грейг, а 21-го числа эскадра из 2 кораблей и 2 фрегатов снялась с якоря и пошла при попутном SO в Средиземное море, конвоируя 6 нанятых транспортных судов, нагруженных разными припасами, материалами и провизией. Через 6 дней к эскадре Грейга присоединились 2 ревельских корабля, стоявшие у Наргена. Эскадра Грейга вышла очень поздно и при дурной погоде. У Наргена ее прихватил очень густой снег, а от Наргена до Дагерорда эскадра шла две недели. 20 ноября эскадра пришла в Копенгаген, захватила припасенных для нее лоцманов и через 5 дней тронулась в дальнейший путь. Довольно быстро прошла Категат, Скагерак и Немецкое море (Северное море. – *Примеч. ред.*) и к 1 декабря вошла в Английский канал. 6 декабря эскадра вошла в Портсмут, куда через 10 дней пришел отставший фрегат «Наталия». Если сравнить это эскадренное плавание с плаваниями наших эскадр при первом их отправлении, то нельзя не заметить крупную разницу. Эскадра Грейга идет вполне соединенно и проходит, пользуясь ветрами, быстро большие расстояния.

До конца 1773 г. эскадра Грейга простояла в Портсмуте.

Глава VI

Условие второго перемирия относительно пропуска судов с провиантом в Константинополь. – Возражения графа Орлова на это условие перемирия. – Действия отряда лейтенанта Алексиано у Дамиетты осенью 1772 г. – Уловки турок для обхода блокады зимою 1772–1773 гг. – Заявления графа Орлова туркам, что при флоте нет договорных условий о перемирии. – План военных действий на 1773 г.

Перемирие было заключено Румянцевым на четыре месяца по 29 марта; оно было распространено и на Архипелаг, но непосредственных переговоров графа А. Орлова с турецким уполномоченным не было. Первое перемирие, бывшее в 1772 году, оставляло большой простор для недоразумений относительно пропуска нейтральных судов с провиантом. Граф Орлов, действуя по инструкции «оголодить Константинополь», не хотел пропускать нейтральных судов с провиантом и издал с этою целью манифест. Получив условия заключенного в Бухаресте перемирия с турками, он не знал, как поступить, и просил себе инструкции.

Из письма его от 1 марта 1773 года видно, что им были получены инструкции 16 февраля того же года, которыми он должен был руководствоваться на продолжение в Архипелаге военных действий в том случае, «если бы паче всякого чаяния» перемирие и конгресс в Бухаресте расстроились и последовал бы опять разрыв.

В этих наставлениях были указания относительно подвоза в Константинополь и другие места съестных припасов.

Граф Орлов отвечал, что Высочайшие повеления, как присланные 16 февраля 1778 г., так и от 23 июня 1772 г.[25], он в точности исполняет. О содержании этих повелений можно догадаться по тому месту его донесения, где он говорит, что во избежание могущих последовать неприятных хлопот, от которых до сих пор он удалялся, со всевозможным старанием и осторожностью, дозволяя свободный проход в Константинополь нейтральным судам, нагруженным разного рода провизией, он позволил пропускать нейтральные суда в Константинополь, груженные мукой и пшеницей, принадлежащей самому султану и перевозимой из румелийских магазинов в константинопольские, требуя только от шхиперов нейтральных судов контрактов, заключенных ими с турецкими комендантами, в которых должно было быть прописано, откуда и куда груз везется, какое количество груза погружено и сколько денег следует уплатить шхиперам.

Из этого видно, насколько фиктивна была блокада Дарданелл. Граф Орлов пишет, что на судах обстоятельно рассматривают письменные договоры и условия, писанные на турецком языке. Нам неизвестно, были ли на судах, содержащих блокаду, люди, знающие турецкий язык. Довольно и того, что было разрешено пропускать суда с провиантом в Константинополь, с провиантом, принадлежащим собственно султану.

Этого разрешения было совершенно достаточно, чтобы в Константинополе запаслись провиантом на продолжительное время.

Мы не имеем возможности проследить ход переговоров в Бухаресте, не имеем возможности проследить, сколько было пропущено провианта в Константинополь, хотя в шканечных журналах судов, блокировавших Дарданеллы, сведения об осмотрах судов должны быть. Но можно быть уверенным в том, что «оголодание» заставило бы турок быть уступчивее.

Но и графу Орлову нельзя было быть очень настойчивым в своих намерениях. Положение его, оставаясь с внешней стороны очень прочным, поколебалось. Брат его Г.Г. Орлов, известный любимец, был удален от двора. Григ. Орлов постоянно поддерживал на воен-

[25] Ни тех ни других в «Материалах» нет.

ных советах, бывших под председательством императрицы, все предложения своего брата А. Орлова. С удалением брата А. Орлов лишился этой подпоры. Наоборот, можно сказать, что в это время возымел большое влияние на Екатерину граф И. Панин, заведовавший иностранными сношениями России, и проникнутый гуманитарными (гуманистическими. – *Примеч. ред.*) идеями XVIII века, которым сочувствовала наша императрица. Тон писем графа Панина к графу Орлову становится суше, лаконичнее, и наоборот, последний пишет первому все более и более искательные письма.

При подобных отношениях трудно было ожидать в 1773 году большой самостоятельности действий от графа А. Орлова, и, поняв намек на «неприятные хлопоты», он разрешил пропуск в Константинополь провианта, принадлежащего самому султану, т. е. сделал блокаду фиктивной.

Через два дня граф А. Орлов писал императрице, что повторяемые несколько раз со стороны турок миролюбивые отзывы и предложения о перемирии, кроме коварства и непостоянства турок, ничего не показывают. Часто заключаемые перемирия, как на Дунае, так и в Архипелаге, и особенно в последнем месте, наружно обнадеживают на заключение прочного и полезного мира, в сущности же также показывают коварство турок, которые стараются только найти временно средства к поправлению своих расстроенных дел и находят его в возобновлении перемирных сроков.

Разрыв мирных переговоров на конгрессе, к чему клонятся, по мнению графа А. Орлова, переговоры, последует тогда, когда истечет срок перемирия. Так делают турки теперь, так делали они и раньше, во время прежних перемирий, когда они не переставали делать военных приготовлений в Архипелаге, вооружая целые эскадры[26]. По истечении срока перемирия граф Орлов должен был силою оружия удерживать эти эскадры от военных действий. Патрасское сражение открыло глаза, что флот дульциниотов действительно вооружался. Объяснению турок, что будто бы вооружение этих и варварийских судов было сделано для того, чтобы суда эти отправить к Дамаску для усмирения появившихся в Египте ослушников султана, граф Орлов не верит. Подтверждение верности своей догадки граф Орлов видит в том, что в заключенном перемирии между адмиралом Спиридовым и Мустафою-Беем распорядителем предложенного турками нападения на нашу главную станцию в Архипелаге ничего не говорится о дозволении турецким военным судам идти в Дамаск (договором было установлено, что турки и русские занимают те места, в которых их застало перемирие, и что турецкий флот не может появляться в Архипелаге). И так как все караманские, сирийские и египетские берега, по случаю бывших там до заключения перемирия сражений и десантов, должны быть включены в число тех мест, которые занимали русские, то турки не имели права туда ходить.

Хитрую уловку со стороны Мустафы-Бея граф Орлов видел и в попытке бея, при заключении перемирия, ограничить плавание нашего флота в Архипелаге пределами: на О островом Стангио, а на W островом Кипром. При согласии графа Орлова на эту уловку Порта имела бы полную свободу вооружать суда в Александрии, откуда она могла располагать военными силами, не только для покорения Сирии и Египта[27], но и могла употребить все силы на предполагавшуюся со всех сторон на нас атаку в Архипелаге. В то время, как в Александрии снаряжались еще суда военные и транспортные, Дульциниотская эскадра пробиралась к морейским берегам и к острову Цериго, коварно выговоренному в договоре с адмиралом Спиридовым.

---

[26] По перемирию, заключенному в 1772 году, турки должны были в Архипелаге «судов не делать, и уже сделанные не спускать, а спущенные не вооружать».

[27] Внутренние замешательства в Сирии и Египте, лишая денежных средств турецкое правительство, были для нас очень выгодны.

Когда все эти намерения турок сделались ему известными, то, продолжает граф Орлов, «не мог я не употребить нужной предосторожности для удержания неприятеля при его же берегах, дабы не мог он соединиться в середине Архипелага».

С этою целью был отправлен на малом фрегате «Св. Павел» с 2 судами лейтенант Патапиоти Алексиано, сначала к Родосу для разведки о строящихся там судах, а потом к устью Нила, где турки, за дальностью расстояния, не опасались русских.

Крейсируя около Кипра 20 октября, когда срок перемирия был окончен, и узнав, что из Александрии вышли два 20-пуш. варварийских судна с экипажем в 708 чел. и несколькими мелкими судами и встали у Дамиетты, Алексиано пошел с одним фрегатом и одною фелукою к Дамиетте. Те же слухи передавали, что Дамиетта есть сборное место для всего вооружавшегося флота, что в Александрии находится 5–20-пуш. таких же совершенно готовых судов, со множеством мелких, что каждый день ожидается прибытие от Дамаска Селим-бея с большим числом турок, который должен принять команду над вооруженными судами и поднять знамя Магомета.

Подходя к Дамиетте, Алексиано нашел неприятеля, так как ему было сообщено, поднял на фрегате и фелуке русские военные флаги и, несмотря на пальбу с судов и крепости, успел с помощью фелуки овладеть небольшим неприятельским судном.

Алексиано решился атаковать неприятеля в порте. Невзирая на пальбу с трех сторон, пошел прямо «в средину двух больших судов, где, бросив якорь, вступил тотчас в бой, который продолжался сперва с великою с обеих сторон жестокостью и отчаянием 2 часа, и потом увидя неприятель немалое число из своего экипажа убитых и раненых, а также разбитие судов и появившуюся течь, стал бросаться в море для спасения жизни, и на шлюпках, баркасах и вплавь пробираться к берегу. Их примеру последовали экипажи и других судов», и этим кончилось сражение. Потеря наша состояла в 3 убитых и 2 раненых матросах.

Алексиано, потопив два разбитых судна и взяв несколько мелких, удалился от крепостных стен и стал дожидаться прибытия Селим-бея и других судов из Александрии. И действительно, счастье благоприятствовало Алексиано.

На другой день перед полднем показалось идущее в порт судно под турецким флагом. Алексиано подпустил это судно поближе, поднял русский военный флаг, и после нескольких выстрелов судно, на котором находился Селим-бей, 3 главных аги, много офицеров, а всего 120 чел. – сдалось в плен. На судне найдены были: знамя Магомета, 7 знамен, 4 серебряных пера, означавших офицерские заслуги на военном поприще, 4 булавы, 3 топорка, 3 щита, большие литавры, 2 флага и 8 пушек.

Известие о разбитии и сожжении турецких судов при Дамиетте и о взятии Селим-бея в плен, достигнув Александрии, произвело смятение и надлежащее действие для русских интересов. Варварийские суда были разоружены и с них сняты войска для защиты крепости и порта. Обстоятельство это было полезно Алексиано, по словам донесения графа Орлова, позволив ему свободно ходить около египетских берегов и к пресечению неприятельской торговли «удержанием разных, на счет турок привозимых, товаров»[28].

Граф Орлов, получив известие о заключении в Бухаресте нового 4-месячного перемирия, поспешил вернуть Алексиано, который вернулся к флоту со взятыми судами и пленниками.

В награду храбрости Алексиано ему были отданы для раздела со всем экипажем взятые грузы, исключая пушек и судов. Взятые же флаги, знамена и другие военные знаки были отправлены в Италию, чтобы оттуда при случае их переслать в Россию.

[28] Обстоятельство это нисколько не смущало многих из греков; наоборот, они выискивали случаи, где могли бы поживиться.

Срок перемирия истек 9 марта. 5 марта граф Орлов в своем донесении императрице, возвращаясь к первому перемирию, повторяет, что он не мог согласиться на выход Дульциниотской и Варварийской эскадр в море, несмотря на просьбу о сем каймакама[29]. Несогласие свое граф мотивировал тем, что от присутствия этой эскадры могли произойти неприятные и противные миролюбию приключения, и предварял каймакана о неминуемой для турок опасности, если они до истечения срока перемирия не прекратят своих военных приготовлений. Все усилия его остались бесплодны, он даже не получил ответа на его представление. Последующие события показали, насколько каймакан был далек от миролюбия и к чему клонились все его предприятия, для разрушения которых были предприняты, для собственной обороны, экспедиции в Чесму, Патрас и Дамиетту.

Но кроме этого граф Орлов должен был переменить положение в Архипелаге и занять важный остров Тассо, который по договору, заключенному адмиралом Спиридовым, следовало считать нейтральным. Кроме того был занят Самосский канал, которым по тому же договору не должны были пользоваться ни та ни другая стороны.

Этими занятиями, острова и прохода, а также удержанием дульциниотских и тунисских судов от приближения к острову Цериго, куда с помощью хитрой оговорки в перемирии турки наиболее старались попасть, Русский флот, а также острова в Архипелаге, получили большую безопасность от неприятеля, в случае если бы он покусился привести в исполнение свои неприязненные намерения.

В таком положении были дела в Архипелаге, когда граф Орлов получил от нашего уполномоченного для ведения мирных переговоров в Бухаресте г. Обрезкова известие о заключении нового перемирия с турками по 9 марта 1773 года.

Условия нового перемирия распространялись на все места, где военные действия производились, и в точности были подобны условиям перемирия, заключенного в том же 1772 г. в Журжеве.

Но граф Орлов не согласился на прежние условия, которые были заключены адмиралом Спиридовым. Он считал это невозможным, потому что увидел на опыте невыгоды для русских прежних условий перемирия, и главным образом потому, что знал об усилиях турок в Архипелаге и понуждениях починить поврежденные суда, построить новые, о многочисленных наборах матросов и солдат и других приготовлениях. Все это побудило его остаться в таком же точно положении, в каком находился он при получении известия. Граф Орлов написал Капудан-паше о присылке к нему комиссара для новых переговоров, так как условия прежних переговоров нисколько не подходили к обстановке, образовавшейся военными действиями в Архипелаге, после разрыва первого перемирия. Турки же, по словам донесения, рассмотрев, что положение, занятое русским флотом, и новые переговоры воспрепятствуют им делать втихомолку неприязненные покушения, стали неосновательно жаловаться на конгрессе, что будто во время перемирия в Архипелаге продолжаются военные действия, и требуемая графом Орловым присылка комиссара для новых переговоров встревожила Султана и Диван[30]. Только по истечении 3 месяцев граф Орлов получил ответ от Капудан-паши, что мало остается времени для присылки комиссара и заключения новых условий. Между тем турки, продолжает граф Орлов, стали отправлять под видом мулл и астрономов военных пашей и людей в Египет, и многочисленные экипажи при них, называя их служителями. Все эти лица были возвращены назад в Константинополь.

Все делаемые турками приготовления, которые, по его словам, не давали ни малейшей надежды на окончание войны, не позволяли графу Орлову ни переменить его положение,

[29] Каймакам – должность наместника паши. – *Примеч. ред.*

[30] Государственный орган, совет при султане. – *Примеч. ред.*

ни согласиться на пропуск военных людей в такие места, откуда в случае разрыва следует опасаться нападения, которое придется отражать силою оружия.

По условиям прежнего перемирия, следовало произвести обмен пленными. Вместо отпущенных турок следовало получить взятых в плен разбившихся офицеров и матросов с фрегата «Санторин». Только благодаря настойчивым и строгим представлениям графа Орлова были освобождены кап. – лейт. Овцын, мичман Неклюдов и 28 матросов и солдат.

В конце донесения он упоминает, что турки особыми фирманами собирают рекрутов для сухопутной армии, но народ идет неохотно. Матросы купеческих же судов удерживаются насильно и отправляются в Константинополь, где, по слухам, были сосредоточены 9 кораблей старых и вновь выстроенных, с множеством тартан, шебек и галер, с коими Капудан-паша намеревается выйти из канала в Архипелаг, но навряд ли можно ожидать, чтобы это случилось за недостатком матросов.

Остатки дульциниотских судов, хотя и вооружаются при своих берегах, но не осмеливаются показаться в открытом море.

14 июля писал опять граф А. Орлов повторение своих жалоб на неприсылку к нему особого уполномоченного от Порты, так как на заключение прежних условий он в силу тех же доводов согласиться не может. Опять упоминает, что нельзя положиться на обещание турок, кроме того, он рассказывает, что только благодаря случайности было схвачено одно судно в Самосском канале, на котором был задержан Чауш-Абасси, посланный от Султана в Египет для принятия команды над войсками и правления в Египте.

У этого Чауша был паспорт от прусского посланника в Константинополе и рекомендательное письмо от Капудан-паши на свободный пропуск в Египет.

Самосский канал был занят эскадрой Фондезина, которому поручено было задерживать суда с сомнительным числом турок, и так как на этом английском судне турок оказалось около 70, то оно и было задержано. У командира английского судна оказалось письмо нашего уполномоченная на конгрессе Обрезкова к графу Орлову, которое прусский посланник поручил передать по назначению. Судну этому следовало бы идти по назначению к флоту, сосредоточенному в Паросе, но турки угрозами заставили капитана английского судна идти, в надежде скрытно пройти от русского флота Самосским каналом.

Содержание этого письма было очень важно. В нем Обрезков, сообщая о затруднениях, делаемых на конгрессе турецкими уполномоченными, прибавляет, что он не ожидает счастливого окончания конгресса, и потому оставляет на усмотрение графа Орлова, начинать ли вновь военные действия по окончании перемирия, буде не получит до того времени от него особого курьера с известием о мире или новом перемирии.

Понятна важность этого письма для графа Орлова и его досада на то, что Чауш-Абасси хотел пройти незамеченным в Египет и тем лишил бы его письма Обрезкова. Граф Орлов отправил турка назад в Константинополь и написал Капудан-паше, что при флоте, за неприсылкой от Порты уполномоченного, нет никаких договорных условий перемирия, и потому перемирие в Архипелаге состоит только в удержании победоносного В.И.В. оружия от военных действий до срока, и если не будет прислано к нему лицо для переговоров, он этот поступок сочтет за решительное намерение Порты к продолжению войны и будет ждать только истечения определенного времени.

Письмо это подействовало в том отношении, что были освобождены наши пленные моряки и был прислан доверенный от Капудан-паши для возобновления переговоров, но так как он имел одно письмо от Паши и не имел никаких кредитивов от Султана, то граф, не входя с ним ни в какие объяснения, отправил его обратно.

Мирные переговоры в Бухаресте кончились неудачно. Турки не делали никаких уступок. Екатерина сама писала: «Если при мирном договоре не будет одержано ни независимости татар, ни кораблеплавания на Черном море, то наверно сказать можно, что со всеми

победами мы над турками не выиграли ни гроша, и я первая скажу, что такой мир будет столь же стыдным, как Прутский и Белградский в рассуждении обстоятельств». Кроме того турки не соглашались нам уступить ни Керчи, ни Еникале, запиравших выход из Азовского моря, а также ни Кинбурна, ни Очакова, запиравших выход из двух больших рек. Турецкие уполномоченные говорили: уступить Керчь и Еникале все равно что войти в зависимость от России, которая в короткое время построит там страшный флот и будет предписывать нам законы.

Так как срок перемирия окончился, а до графа Орлова стали доходить слухи о султанском фирмане для набрания рекрут в армию и матросов во флот, намерения же турок были известны ранее, то был собран военный совет из адмиралов и главных морских и сухопутных командиров, на котором был составлен следующий план военных действий:

1) 2 линейных корабля, бомбардирское судно и несколько фрегатов отправить в Адриатическое море для диверсии против Албании и удержания неприятеля на месте и истребления остатков Дульциниотских морских сил. Ввиду могущих быть объяснений с венецианским сенатом и другими державами командовать эскадрою или графу Орлову, или адмиралу Спиридову.

2) Несколько фрегатов, мелких судов и галер с десантом отправить к Родосу и Кипру для крейсерства у этих островов и у берегов Малой Азии, Сирии и Египта (до Александрии). Держать в повиновении тамошние народы страхом оружия и нападения на их приморские жилища, истребляя при этом и их торговлю.

3) 7 линейных кораблей, несколько фрегатов и 2 бомбардирских судна под командой адмирала Спиридова должны были остаться в средине Архипелаге и крейсировать до устья Дарданелл для удержания от выхода турецкого флота, а также, проходя мимо азиатских и европейских берегов, атаковать Смирну и Салоники и стараться разорить их, так как торговля этих мест доставляла туркам значительные денежные средства.

4) Одному линейному кораблю, нескольким фрегатам и остальным мелким судам остаться в порте Ауза под командой капитана 1-го ранга Борисова, для управления Адмиралтейством, Комиссариатом и смотрения магазинов, и притом от времени до времени объезжать с кораблем остров Парос и посылать мелкие суда для крейсерства к кандиотским и морейским берегам для разведывания неприятельских намерений и движений, дабы в случае таковых мог бы сообщить адмиралу Спиридову и от него получить помощь для удержания неприятеля в его портах.

5) В Самосском канале должна продолжать свое крейсерство эскадра капитана-лейтенанта Фондезина, увеличенная несколькими судами. Эскадра должна была крейсировать вдоль Караманских берегов до крепости Будрум, защищая ближние острова от неприятельских покушений.

Утвердив этот план будущих военных действий, граф А. Орлов должен был свое отправление в Адриатическое море задержать на несколько недель из-за вопросов религиозного содержания.

Дело заключалось в том, что острова Архипелага, принявшие русское подданство, находились в духовной зависимости от Константинопольского патриарха, который, посвящая греческих монахов в епископы разных островов, давал по принуждению турок увещания соглашавшимся и грамоты об отлучении от церкви сопротивлявшимся покориться турецкому Султану.

Кроме того, среди народа ходили и письменные воззвания со стороны турок, которые, приглашая греков вернуться под власть Султана, обещали вернувшимся прощение.

Граф Орлов решился на крайнюю меру, которая так характеризует этого государственная человека: учредил из епископов морейских и островов духовный собор в Паросе и поручил ему разбирать и решать все те духовные дела, которые до сего времени зависели от

решения патриарха, и выбрать на место епископа, согласившегося на увещания турок и патриарха, нового – из своих сочленов, более достойного преемника.

Болезнь помешала Орлову принять начальство над экспедицией, и он отправился в Италию, поручив главное командование и исполнение утвержденного им плана военных действий адмиралу Спиридову.

Отправляясь в Ливорно, на пути он встретил у берегов Мореи первого курьера с очень милостивым, ободряющим рескриптом императрицы, пожаловавшей ему бриллиантовую шпагу и благодарившей за его действия. Не доходя до Ливорно, 9 мая был встречен второй курьер, который привез графу разрешение императрицы производить военные действия против турок, оставляя на усмотрение графа «всю удобность случаев к нанесению чувствительного удара Порте, дабы оную принудить к решительному заключению полезного и прочного мира».

Копии с обоих рескриптов граф А. Орлов отправил к адмиралу Спиридову, вместе с предписанием точно исполнять Высочайшую волю и привести в исполнение положенный на военном совете план.

Узнав в Ливорно о смерти Али-бея Египетского, граф Орлов тотчас же написал письмо к новому владетелю Египта для узнавания его намерений при возобновившейся войне, и к адмиралу для принятия нужных мер, согласных с его ответом и поступками, когда наша эскадра во время крейсерства подойдет к берегам Египта.

Из Ливорно же Орлов просил о присылке новой эскадры из России, откуда осенью вышла в Средиземное море эскадра Грейга.

Глава VII

Военные действия в Архипелаге в 1773 г. – Действия эскадры контр-адмирала Елманова под крепостью Будрум. – Неудача десанта на о-ве Станчио. – Действия отрядов Кожухова и Войновича в Сирии. – Плавание Балтийского флота в 1774 г. – Инструкции командирам эскадр. – Падение принца Августа Голштинского с марса корабля «Иезекииль». – Пребывание эскадры контр-адмирала Барша в Копенгагене. – Плавание двух пинок из Архангельска в Кронштадт.

В течение всей зимы Дарданеллы содержались под присмотром, так как граф Орлов, разрешив пропускать в Константинополь провиант, не позволил выходить из этого города чиновным туркам. Эскадра, назначенная для этой цели, меняясь составом судов, большею частью состояла из 4–5 кораблей и 4 фрегатов, кроме мелких судов. Другая эскадра, под начальством самого графа Орлова, состояла из 6 кораблей и 4 фрегатов и всю зиму прокрейсировала около о-ва Миконо.

Несмотря на то, что перемирие окончилось 9 марта, военные действия не начинались до лета. В точности причина, почему они не начинались так долго, неизвестна. Энергичнее они пошли после того, как адмирал Спиридов получил копию с рескрипта Екатерины II к графу А. Орлову.

Первым был отправлен 6 июня отряд из одного корабля и двух фрегатов к морейским берегам. Отряд этот должен был обойти эти берега и потом, подвигаясь к W, идти в Адриатическое море. Отряд обошел в действительности берега, но только к осени вернулся в Аузу. Он состоял из корабля «Ианнуарий» и фрегатов «Парос» и «Делос», и был под командою капитана 1-го ранга Борисова. У корабля «Ианнуарий» открылась на пути течь, и не однажды доски всплывали из-под киля, а потому Борисов, передав командование отрядом капитану-лейтенанту Мистрову, ушел в порт Аржентиру, а потом в Минорку. Мистров крейсировал от Наварина до Наполи-ди-Романья и нигде неприятельских судов не видал. Спиридов, узнав о повреждениях «Ианнуария», отправил на его место корабль «Победа» с кап. 1-го ранга Новокшеновым, который, приняв отряд под свое начальство, должен был охранять пути сообщения нашей эскадры в Архипелаге с Италией, от дульциниотов.

Потом были сформированы 3 дивизии. Первую, под флагом адмирала Спиридова, составляли корабли «Европа», «Всеволод», «Чесма», «Ростислав», «Граф А. Орлов» и фрегат «Запасный». Вторую, под флагом контр-адмирала Елманова, – корабли: «Георгий Победоносец», «Три Святителя», «Три Иерарха», «Саратов», три бомбардирских корабля «Гром», «Молния» и «Страшный», фрегаты «Северный Орел», «Тино», «Победа», «Соломбал». Третью дивизию, под командою капитан-лейтенанта Кривцова, – пакетбот «Почталион» и 7 мелких судов.

Из бывших на флагманском корабле военных советов, на которых участвовали штаб и обер-офицеры, выяснилось, что десантными войсками нельзя брать города долговременной осадой, а можно только, делая высадки на берегах, разорять турецкие жилища и магазины. На совете решено было: второй дивизии Елманова идти к Станчио и Будруму и разорить транспортными судами турецкие деревни и магазины у мыса Ангелло. Первой же дивизии Спиридова идти после анатолийского берега к мысу Мария и к о-ву Самос и тревожить берег и чинить вред неприятелю, живущему в деревнях у берега. При этом было положено не особенно вдаваться в смелые предприятия, не озоровать и беречь русское регулярное войско, в котором имеется недостаток, беречь до «всекрайней возможности». Дивизия Елманова отправилась к Будруму, а дивизия Спиридова к острову Самос, откуда был отправлен фрегат «Почталион», полака, полугалера и соколева к мысу Карабагелу. Отряд этот разорил 5 турецких деревень. Из дивизии Елманова 29 июля полака «Патмос» и 6 трекатров, с поса-

женным на них десантом, подошли к анатолийскому берегу, высадили десант у местечка Ангелло, который прогнал турок, с потерею для них в 40 чел., и сжег 7 хлебных магазинов. На другой день сюда же пришел со второй дивизией капитан-адмирал Елманов, соединился с транспортными судами и, оставив капитана 1-го ранга Хметевского с 2 кораблями и 2 фрегатами для блокады о-ва Станчио и пресечения подвоза войска, с остальными судами двинулся к городу Будруму.

Елманов расположился на якоре против крепости, поставив впереди 3 бомбардирских судна, одно от другого в близком расстоянии, с завозами к городу и крепости, чтоб подходить к ним ближе или отходить на свои якоря, смотря по надобности. Для защиты бомбардирских судов от абордажа близ них находилось 2 галеры. Фрегаты «Соломбала»[31], «Тино», все вооруженные транспортные суда, а также галеры и барказы, были поставлены в такое место, с которого могли очищать берег во время высадки десанта. Корабли «Победоносец» и «Саратов» были поставлены в таком расстоянии от всех судов, что все флагманские сигналы были видны, а также на флагманском корабле видели сигналы судов и на берегу действия высаженного десанта[32].

30 июля в 7 часов вечера бомбардирские суда начали обстреливать крепость, батарею, гавань и форштадт, и в короткое время настолько успели обстрелять, что турки стали отступать. Пользуясь этим обстоятельством, был свезен в 8 ч. вечера десант из 4 албанских батальонов в 919 человек, да славян 101 ч., а всего 1030 чел., которые к ночи заняли выгодные места.

31 июля в 4 часа утра был свезен десант из регулярных войск, полевой солдатской команды 281 ч., егерской команды 64 ч., главной артиллерии 73, инженерного корпуса 13, итого регулярного войска 431 чел., а всего 1451 чел. Главное начальство над всеми войсками принял инженер-майор Матвеев, который, сделав все распоряжения по охранению пути, пошел с отрядом и 4 единорогами вперед. Окрестные высоты были заняты албанцами, а на месте высадки был оставлен отряд албанцев из 60 ч. с 3 орудиями. Главные силы под командой Матвеева пошли к форштадту и, несмотря на сопротивление пеших и конных турок, завладели им. После овладения форшадтом Матвеев приказал албанцам сжечь турецкий фрегат, находившийся около W части крепости. С этой же целью был послан с эскадры лейтенант Бухарин со шлюпками, который пристал к О стороне, и так как пройти под огнем крепости было невозможно, Бухарин высадил людей со шлюпок, взял с собою зажигательные снаряды и 20 чел. матрос, и форштадтом прошел под прикрытием роты егерей к фрегату. Но оказалось, что фрегат стоит от крепости саж. в 20. Завязалась перестрелка, на которую турки живо отвечали. Фрегат сжечь не удалось, но зато сожгли две полугалеры, одну фелюгу и один большой магазин с адмиралтейскими и провиантскими припасами, а также весь город был выжжен, после чего все войска вернулись обратно на суда.

В тот же день в 11 часов были свезены 4 албанских батальона и славяне, на западную сторону крепости для уничтожения 13-орудийной батареи, препятствовавшей входу гребных судов в гавань для вывода оттуда фрегата. Десант был свезен, неприятель разбит, но батареей овладеть не удалось. Турки, конные и пешие, стали увеличиваться в числе, и на другой день десант был возвращен на суда.

Бомбардирские корабли действовали очень удачно бомбами по крепости, городу и неприятельским войскам. «Гром» удачно бросил две бомбы в турецкий корабль, из которых одна сшибла гротовую стеньгу, а другая произвела пожар, но его вскоре турки потушили.

---

[31] По приказу адмирала Спиридова, отданному еще в 1770 г., пинк «Соломбала» был переименован во фрегат.

[32] В примечании значится, что плана при донесении адмирала Елманова не оказалось. План этот находится в архиве Главного гидрографического управления.

Наши потери заключались в 21 ч. убитых, да 25 раненых. Турок, по словам донесения Елманова, убито до 300 ч., да раненых не меньше того.

5 августа Елманов пошел к о-ву Станчио, соединился с отрядом Хметевского и 6-го числа, по данной диспозиции, бомбардирские корабли «Гром» и «Страшный» стали бомбардировать город и форштадт, а фрегаты «Северный Орел», «Соломбал», «Тино» и поллака «Патмос», огнем своей артиллерии очистили берег, на который высадился десант в 1210 ч. албанцев, сначала потеснивший турок, а потом уступивший нападению турок и начавший отступать к берегу. Елманов заметив это, послал в 5 часов десант регулярных войск, вверив его опять Матвееву. Кроме войск, участвовавших в десанте, под Будрумом были высажены 2 роты морских солдатских батальонов и семь 3-фунт. единорогов.

Турки, увидя наступающие войска, шедшие на выручку албанцев в стройном порядке со стрельбою из полковых пушек, отступили.

Ночь войска, по распоряжению Матвеева, провели под ружьем, отдыхая по очереди. Войска регулярные были выстроены в каре, а албанцы со всех четырех сторон по батальону. Ночью же лейтенант Бухарин захватил оставленную на судне одну медную пушку и одно знамя.

Распоряжение Матвеева, по которому войска не могли отдохнуть надлежащим образом, было ошибочное. По крайней мере в нем надо видеть отчасти причину того крайнего утомления, в каком оказались войска на следующий день.

Утром 7 августа все войска двинулись вперед, и всюду теснили турок. В авангарде шли албанцы, за ними 2 регулярные роты с двумя единорогами. Далее шли главные силы, а в арьергарде опять регулярная рота. Большое затруднение было нести при страшной жаре на руках единороги через овраги и горы.

Авангард разбил турок и отбросил их в горы, но в это же время вышли из города пешие и конные турки и атаковали албанцев, которые дрогнули от конницы и побежали к гребным судам. Остались одни регулярные войска, на которые турки напали с трех сторон. Войска наши, после храброго и сильного сопротивления, должны были отступить, и «по пришествии в слабость и бессилие от великого солнечного зноя, не были в состоянии» шесть 3-фунт. единорогов защитить и взять с собою при отступлении, тем более что у этих орудий были от перевозки по горам повреждены оси и колеса. Отступать пришлось около 6 верст, и солдаты едва добрели по жаре с ружьями до берега. Начальник десанта Матвеев был убит. Заметив «непорядок и нестроение» в десанте, Елманов отправил за ним все шлюпки, которые приняли всех прибывших и раненых.

Отступление было от регулярных и нерегулярных войск «не ускорительно», по словам донесения Елманова. Турки, захватив единороги, не двигались вперед, и наши войска могли свободно отступать, иначе турки могли бы «многих отхватить и побить». Когда же погнались, было поздно, и турецкая конница попала под огонь фрегатов, которые ядрами и картечью разогнали ее; особенно удачно действовал фрегат «Северный Орел».

Неудачу десанта Елманов объясняет тем, что албанцы оставили регулярные войска, которых было значительно меньше турок, а потом в страшной жаре, бывшей в этот день. Многие из солдат, не имев ни ран, ни болезней, ослабев от жары, падали на берегу. Некоторые из них умерли там же на берегу, а другие – по перевозке на судах (всего 32 чел.), некоторые «приходили в безумство», другие заболели.

Убито было 86 чел., ранено 44, которых большая часть легко.

Бомбардирские корабли своим огнем много зданий разрушили и сожгли.

Доходившие сведения о численности гарнизона Станчио определяли его в 2 тыс. чел., что ввиду храбрости, оказанной албанцами в Будруме, позволяло надеяться, по словам Елманова, на успех. В действительности турок оказалось более 5 тыс. Потери турок в убитых Елманов определяет в 500 чел. Забрав десант, Елманов отошел с судами от берега.

15 августа Елманов соединился со Спиридовым и донес ему о своей неудаче. Спиридов, узнав обстоятельства дела, высказал свое мнение, которое было вместе с тем и решающим, что поведение албанцев, славян и регулярных войск в десанте под Будрумом было порядочное и похвальное, одобрил распоряжения и Елманова в расстановке бомбардирских кораблей и других судов. Точно так же нашел Спиридов правильно сделанным: расположение судов под Станчио, своз на берег 6 августа албанцев, своз 6 августа регулярных войск им на подкрепление. Но назвал ошибкой распоряжение от 7 августа начальствовавшего десантом майора Матвеева, «который, излишне надеясь, далеко от берега отошел и, не сделав разведки малыми партиями, стал двигаться к форштадту, откуда турки сделали нападение столь превосходными силами, что не только албанцы и славяне побежали, но и регулярный авангард, по убиении офицеров приведен был от неприятеля превосходного силою, в замешательство и беспорядочную ретираду; после же нападения на главные силы и ранения майора Матвеева, все приведены были в такой беспорядок, что как способы находили, так и спасали свою жизнь».

Спиридов видел в беспорядочном отступлении регулярных войск, с оставлением пушек, вину со стороны офицеров, бывших при регулярных войсках, «ибо поступки офицеров не всем похвальны». Спиридов приказал Елманову произвести «порядочное осведомление о поступках офицерских, кто как свою должность исполнял».

Дальнейших сведений об этом деле в «Материалах» нет.

Эскадра капитан-лейтенанта Извекова крейсировала у о-ва Метелина и тревожила неприятеля. Хотя из Дарданелл выходили турецкие шебеки, бригантины и галеры в разные времена, но держались около берегов и потом опять возвращались назад. В Дарданеллах стояли 5 линейных турецких кораблей, 3 больших фрегата, одна большая галера и около 30 турецких и дульциниотских галер, шебек и бригантин. Кроме того находились у о-ва Негропонта 1 турецкая большая галера и 3 полугалеры; в Лемносе 1 шебека и 2 полугалеры, которые, выждав ветер, иногда ходили к Салоникам и к афонскому берегу; в Тенедосе 2 бригантины и 3 полугалеры.

Отряд Извекова играл роль заслона для эскадр Спиридова и Елманова и охранял их от движения турецких судов с севера. Впрочем, турецкие суда так были напуганы предшествовавшими поражениями, что не удалялись далеко от своих берегов. Раз в эскадре Извекова была стычка двух поллак, командиры которых были греки, с 4 полугалерами, вышедшими из Тенедоса и приблизившимися к поллакам, по донесению греков, под русскими флагами. После незначительной перестрелки турки отступили, но за ночною темнотою не были пойманы, и потом было узнано, что эти 4 полугалеры турок ушли ночью в Салоники.

Первая дивизия Спиридова простояла у островов Липсо и Арчо два месяца. Вторая дивизия Елманова, после того как 15 августа присоединилась к Спиридову, простояла около месяца также у этих островов и 18 сентября снялась с якоря и пошла к N, побывала у Дарданелл и остановилась на якорь у о-ва Тассо. 13 октября Спиридов снялся с якоря, пошел к N и у о-ва Тассо соединился чрез 9 дней с дивизиею Елманова, стоявшею здесь на якоре. К 19 ноября, захватив с о-ва Тассо деревья для починки кораблей, соединенные дивизии вернулись в порт Трио.

Отряд капитана 2-го ранга Фондезина, стоявший у о-ва Патмоса, все время крейсировал и не позволял двигаться турецким судам. 24 июня фрегат «Почтальон» под командой капитан-лейтенанта Кривцова в заливе Кассала атаковал две турецкие ландры; одну из них, длиною 53 фута, с 3 фальконетами, взял в плен, а другую пальбою разбил и потопил, но и с нее взял 2 фальконета 17-фунтового калибра. «Взятая же в плен ландра изрядная и ныне при флоте употребляется с пользою», доносил Спиридов, который с большой похвалой отнесся о распорядительности Кривцова.

Отряд графа И. Войновича был послан 21 апреля в Сирию. Отряд состоял из фрегатов «Св. Николай», «Слава», шебеки «Забияка» и 4 полугалер. 1 мая отряд зашел в Кастель-Росса, где взял в плен агу и 17 чел. турок. Отряд остался в крейсерстве между о-вом Кипром и берегом Малой Азии. 2 июня шебека «Забияка» имела бой с корсарским судном, причем на шебеке был 1 убитый и 2 раненых. 12 июля Войнович пришел к городу Суре, где нашел гвардии офицера Баумгартена, который находился в Сирии несколько лет; офицер этот сел на фр. «Николай» и известил Войновича, что имеет письма и трактаты, писанные от шейха Акри к графу А. Орлову, в которых шейх этот просит протекции Императрицы Всероссийской. Вскоре и Войнович получил письмо от губернатора города Сеиды, в котором тот именем государя своего, шейха Акри, просил у русских помощи друзам, собиравшимся атаковать город Бейрут. Войнович писал обоим губернаторам, что следует сделать трактат с друзскими князьями, и отправил шебеку «Забияку» с галерою к Бейруту для блокады этого города, вместе с вооруженными друзскими судами; блокада эта, прекратив подвоз провианта в Бейрут, много способствовала сдаче города.

17 июня пришла в Кафу эскадра Кожухова, состоявшая из 2 фрегатов «Надежда» и «Павел», 5 поллак и 2 полугалер. Войнович сейчас же известил о всех происшествиях Кожухова, увиделся с ним, и Кожухов согласился, соединив обе эскадры, продолжать военные действия под Бейрутом, который был атакован с моря военными русскими судами, а с берега друзами и высаженным десантом. Город Бейрут сдался на капитуляцию 30 сентября. 7 января 1774 г. десант опять был посажен на суда, и 7 января отряд Войновича, а 9 января отряд Кожухова вернулись к острову Патмосу.

Во время военных действий под Бейрутом было убито и ранено в разное время: на фрегате «Николай» 8 и 15, на фрегате «Слава» 4 и 6, на шебеке «Забияка» 4 и 7, на галере «Унион» 1 и 2, на галере «Рондинелла» ранено 2; а всего было 17 ч. убито и 32 ч. ранено.

За отправлением с контр-адмиралом Грейгом 4 кораблей и 2 фрегатов из Балтики, наличного числа команды и офицеров осталось мало, для Балтийского моря, на укомплектование 12 кораблей, 2 бомбардирских кораблей, 4 фрегатов, 2 пакетботов, с брандвахтами и ластовыми судами. В офицерах, штурманах и унтер-офицерах был недостаток, который можно было пополнить, взяв только их из Архипелагской эскадры. Представление в этом духе было сделано 22 августа 1773 года. В ноябре месяце того же года вице-адмирал Сенявин потребовал в Донскую флотилию на выбылые места немалое число морских офицеров. Кроме того, императрица, утвердив штат 3 вновь построенных фрегатов Азовской флотилии, приказала доставить Сенявину необходимую для фрегатов команду и офицеров.

Коллегия, соображая эти надобности и наличное число офицеров и нижних чинов в Кронштадте, Ревеле и Архангельске, и имея в виду потребность в офицерах и нижних чинах для Балтийского флота, назначила в Донскую флотилию не все требуемое число офицеров и нижних чинов, а по необходимости «с некоторым уменьшением».

Затем, оставшимся в наличии числом офицеров и нижних чинов возможно было укомплектовать, с уменьшением против штатного положения, восемь 66-пуш. кораблей, 2 фрегата, 2 пакетбота, брандвахтенные и ластовые суда.

Кораблей совершенно готовых в Кронштадте было 6, бомбардирских судов 2, малых фрегатов 2. В Ревеле – 6 кораблей и 1 фрегат; в Архангельске 3 корабля, 3 фрегата и 4 пинка, из которых два пинка нужны были для перевозки грузов в Балтийском флоте, и укомплектовать их следовало наравне с фрегатами. Кроме того, к весне 1775 года в Архангельске должны были быть спущены 3 корабля и 1 фрегат. Так как надо было назначить команду на корабли и фрегаты, построенные в Архангельске, для провода их в Кронштадт, то Коллегия спрашивала у императрицы: сколько кораблей, фрегатов и пинок назначить к переходу из Архангельска в Кронштадт и сколько кораблей и фрегатов вооружить в каждом из портов, Ревеле и Кронштадте.

Императрица приказала на 1774 год: 1) вооружить в Ревеле 5 линейных кораблей, в Кронштадте 3, с необходимым числом мелких судов; остальные же корабли, вооружив, иметь в готовности; 2) из Архангельска прибыть 2 пинкам; 3) все корабли и фрегаты в Архангельске вооружить и приготовить таким образом, чтобы они могли по первому приказанию, когда получат команды, выйти в море; 4) для обучения людей галерного флота вооружить 3 галеры и 1 бригантину.

В плавание были назначены: в Ревеле корабли «Владимир», «Вячеслав», «Дерись», «Преслава», «Борис и Глеб» и фрегат «Евстафий». В Кронштадте корабли «Тверь», «Иезекииль» и «Виктор» и фрегат «Екатерина». Для перехода из Архангельска в Кронштадт два пинка «Лучше Назови» и «Евстафий». Для обучения матросов галерного флота: галеры «Ларга», «Измаил», «Фокшаны» и бригантина, которые должны были для лучшей практики доходить шхерами до Фридрихсгама. Командующими эскадрами были назначены: Ревельской – контр-адмирал Барш, а Кронштадтской – капитан-бригадир Клокачев. Барш и Клокачев снабжены были от Коллегии инструкциями, отличными от тех инструкций, которыми снабжались в прежние плавания начальники Практических эскадр.

Ревельская эскадра должна была плавать в Балтийском море у о-ва Даго, и могла заходить в Кегсбухту. Во время плавания следовало учить команду всему тому, что морское искусство требует. Коллегия надеялась, что Барш по своему прилежанию и знанию все употребит, что необходимо, чтобы обучить матросов. Плавание должно было продолжаться до первого сентября и после необходимо было возвратиться в Ревельский порт.

Чтобы не подать повода к сомнению и беспокойству соседних держав, не заходить в их порты, но иметь их, а особливо шведские берега в отдалении. Только в случае крайней необходимости разрешалось заходить в шведские порты; в случаях же обыкновенных лучше заходить в порты Дании, как союзной и дружественной России державы. Во время плавания, если случится встретиться с датским или шведским флотом, то объявить командирам их (если случай того потребует), что русская эскадра крейсирует в Балтийском море, как обыкновенно это делает каждый год, для экзерциции и большей практики матросам. С датским и шведским флотами предписывалось поступать дружески. В случае, если бы пришлось идти мимо крепости или корабля шведского или датского, то салют делать по силе заключенных трактатов, и так близко, чтобы салют был слышен, дабы, как иногда прежде происходило, не могло последовать никаких претензий. Купеческим кораблям обид не чинить, а оказывать всякую помощь. Во время плавания содержать себя «во всякой осторожной готовности и исправности как бы в военное время надлежало». В случае встречи с английскими и французскими военными кораблями, в каком бы числе они ни были, так как трактатов о салютации с Францией и Англией еще не заключено, то в таких случаях поступать по силе Морского устава, охраняя честь российского флага. Барш должен был употребить всякие способы и предосторожности, дабы никакого предосудительного поступка не вышло, и наблюдать при том, чтоб все узаконенные почести между ее императорским величеством и других держав флотами были соблюдены. Далее, Барш должен был наблюдать, какое имели влияние длинные и короткие мачты на морские качества кораблей; этот пункт инструкции подобен инструкции прежних годов.

Наконец, ввиду большого недостатка штурманов и людей их знаний, рекомендовалось самому адмиралу присматривать за ними и предписать командирам кораблей делать то же самое. Требовалось определять в море амплитуды солнца для определения склонения компаса, и по окончании кампании представить в Коллегию как эти наблюдения, так и «о штурманских успехах и прилежании особливо».

Недостаток в штурманах был и раньше; в кампанию 1771 года Чичагов получил подобную же инструкцию относительно штурманов.

Клокачев получил такую же инструкцию, только плавание его было ограничено островом Готландом, который он должен был во время плавания видеть.

Инструкция капитан-лейтенанту Дурову, назначенному командовать галерным отрядом, была обширнее инструкции капитан-лейтенанта Арсеньева, командовавшего таким же отрядом в 1773 году. Первой статьей инструкции ему поручалось учить людей «галерного флота искусству», т. е. грести, поворачивать под веслами и парусами, ставить и убирать паруса и пр.; следующими статьями поручалось изучить фарватеры до Фридрихсгамна, которых в то время было два: один корабельный, а другой шхерный. Фарватеры следовало описать и вымерить аккуратно, чтобы впоследствии можно было бы галерам ходить без лоцманов; примечать кривизны и узкости фарватеров и лоцманские знаки; замечать, верно ли вехи стоят. Вообще, программа Дурову дана была обширная по лоции фарватеров к Фридрихсгамну.

Июня 7 императрица дала указ Коллегии, из которого видно, что принц Голштинский (если не ошибаемся – двоюродный племянник Екатерины II) изъявил желание служить волонтером на море в кампанию 1774 года, для приобретения практических морских сведений. Соглашаясь на это, императрица приказала снабдить начальников эскадр соответствующим предписанием и наставлениями.

Принц Август Голштинский прибыл для службы на корабль «Иезекииль» 12 июня, а 3 июля в виду Кокшхера упал с грот-вант, ударился головой о русленя и утонул.

Бросившиеся в воду 4 человека, во всем платье, не могли его схватить. По описанию, приведенному в «Материалах», принц упал по собственной неосторожности; все записанное в вахтенном журнале не оставляет в этом сомнения. Спущенные концы, брошенный люк не принесли пользы; принца спасти не могли и привезли на корабль только его шляпу. Случилось это на Кронштадтской эскадре, которая двое суток простояла на якоре у Кокшхера, а палубный бот ходил около того места, где утонул принц, и искал его тело, но не нашел[33].

6 июля эскадра пришла на Ревельский рейд и через 10 дней пошла в крейсерство в Балтийское море, а через месяц вернулась к Наргену, где налилась пресной водой; второе крейсерство было короче, и 1 сентября эскадра пошла в Кронштадт, а через месяц кончила кампанию. Во время плавания на фрегате «Екатерина» и корабле «Тверь» открылась течь; фрегат скрылся в Тагелахт-бухту, и исправив свои повреждения, вернулся к эскадре; корабль же «Тверь» оказался настолько гнил, что по приходе его в Ревель вместо него был отправлен к Клокачеву корабль «Память Евстафия», который, не найдя эскадру в море, чрез месяц присоединился к ней в Ревеле.

Корабль «Тверь» действительно оказался гнил совершенно, и корабельные мастера в Ревеле дали ему аттестат, что он к плаванию не благонадежен.

Больных во время плавания на эскадре Клокачева было немного, да и те были больны большею частью глазами; даже сам Клокачев заболел глазами.

Ревельская эскадра 16 июля ушла в Балтийское море в крейсерство, в продолжении которого производила пушечное и ружейное ученья, встретила сильные ветра от SW, к началу августа была в Кеге-бухте, где простояла целый месяц. 6 сентября был отдан приказ по эскадре, что «по требованью Датского двора, для некоторых обстоятельств, от Е.И.В. последовало благоволение, чтобы нашей эскадре пробыть здесь (в Дании) до надлежащего времени и перейти на Копенгагенский рейд».

---

[33] Клокачев, конечно, донес об этом обстоятельстве. Екатерина II поручила Потемкину ответить Клокачеву, что она крайне сожалеет о кончине принца, приметила и его, Клокачева, беспокойство, как бы его кончину ему в вину не поставили, и относит ее к «неизбежным Вышнего судьбам». Верность, усердие и исправность службы Клокачева императрице известны, писал Потемкин.

11 сентября эскадра перешла на этот рейд, где стояли 6 датских судов под вице-адмиральским флагом; чрез 11 дней эскадра ушла из Копенгагена и к 6 октября вошла в гавань Ревеля и окончила кампанию.

Отряд гребного флота капитан-лейтенанта Дурова ходил в первый раз в Аспэ и Биорке, а во второй раз в Фридрихсгамн. Сделав первый рейс, отряд вернулся в Неву, где переменил команду и оставил бригантину, построенную по чертежам контр-адмирала Мазини. Бригантина оказалась дурных качеств и во второе плавание не пошла. Дуров учил команду снастям, молитвам и компасу, и прочим экзерциям. Каждый день производились ученья: снастям, повороту и подъему рей, ружейное ученье, пушечное ученье с пальбою и проч. Отряд проплавал 3 месяца и открыл фарватер из Аспэ в Фридрихсгамн.

Привести пинки из Архангельска было поручено капитан-лейтенанту Берху и Машину. Первый, командовавший пинком «Лучше Назови», 17 июля был совсем готов, но не шел из-за капитан-лейтенанта Машина, командовавшего пинком «Евстафий». Машин делал большие чудачества; когда ветер был попутный – уехал в Архангельск, когда же его вернули из Архангельска, на пинк потребовал дрова и из 7 доставленных сажень взял только одну. Производил, стоя за баром, неизвестно для чего частую пушечную пальбу с ядрами, и наконец вошел с рапортом к Берху, что у него в льяле смолы на 21/2 д. и требовал рассмотрения конторы над портом, отчего у него на пинке много смолы в льяле. Берху надоело возиться с Машиным, и он стал проситься идти в Кронштадт одному. Ваксель послал сказать Машину, чтобы он через 4 часа после получения приказания снялся с якоря и пошел бы в Кронштадт, буде же станет представлять «недельные рапорты», то будет сменен и команду на пинке вручат старшему лейтенанту. Это подействовало, и пинки ушли в Кронштадт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.